

УРОКИ ЛЮБВИ

Посвящается сыну.

Для тех, кто хочет быть любимым,
кто хочет быть счастливым,
и кто не хочет быть одиноким.

Глава о том, как все начиналось...

Впервые о том, что мне не разрешат рожать, сказала мой кардиолог. Мне было лет 25, я любила человека, от которого хотела иметь ребенка. Больное сердце – «наследие» частых ангин в детстве. В течение трех лет я не вылезала из больниц и к 15 годам имела весьма серьезные диагнозы. Но всю трагичность ситуации осознала только тогда, когда кардиолог сказала без обиняков: «Какой ребенок? С твоим-то сердцем...». В 30 лет я повторила попытку, однако врачи вновь были непреклонны: при родах погибну или я, или ребенок, а если останемся живы оба, то мне неизбежно грозит инвалидность. И кого я хочу поразить своим героизмом? Кто, спрашивается, будет воспитывать ребенка, на которого у меня просто не хватит сил? В общем, смутные до той поры мысли о том, что надо взять ребенка в детском доме, постепенно начали крепнуть. Но на то, чтобы решиться на этот шаг, потребовалось еще три года.

Наверное, через это проходят все. Одолевают мысли о наследственности, неизлечимых болезнях и дурном характере, доставшихся от родителей-алкоголиков (а кто еще оставляет детей?), о том, что еще неизвестно, кто потом из него вырастет и как будет к тебе относиться. Это естественно. Каждая мать мечтает о том, что ее ребенок будет самым умным, добрым, что все в жизни у него сложится хорошо. А тут – неизвестно кто, неизвестно – от кого... Но разве любой из нас не вспомнит случаев, когда у вполне благополучных родителей вырастали алкоголики, преступники, лентяи, когда беспроblemные дети, став взрослыми, не хотели получать образование и не проявляли интереса к работе? А болезни и травмы? Они преследуют нас вопреки наследственности, и никакая забота родителей не спасает от страшного осложнения после гриппа или гепатита, подхваченного в школе. Что толку гадать, кем и каким вырастет ребенок, если никому не дано предугадать даже собственную судьбу. И в этом плане приемные сын или дочь не составят исключения. Что касается интеллекта, то, во-первых, человека на 80% делает общение (и воспитание в том числе), а во-вторых, гении рождаются крайне редко, и чаще всего в обычной семье растет самый обычный ребенок (а самым умным и талантливым его считают лишь собственные родители).

Ключевой вопрос здесь: для чего мы хотим иметь ребенка? Уж во всяком случае, не для того, чтобы было кому подать в старости пресловутый стакан воды. До этого «стакана» еще надо дожить, а потом, кто может гарантировать, что дети в это время будут рядом, не в другом городе или стране? Наверное, ребенок – это наша наивная вера в бессмертие души. Передать свой опыт, знания, помочь понять правила отношений между людьми, научить любить, заботиться о своих близких – это и есть продолжение себя в детях, продление собственного присутствия в этом мире.

Чем в этом плане приемный ребенок отличается от родного? Вы вырастили и воспитали человека по образу и духу своему, а как ребенок появился в вашем доме – дело второе. Если друзья могут быть более родными, чем кровные родственники, если с родней можно не видеться годами и не вспоминать о ней, а о подруге начать скучать через месяц после разлуки, то почему бы и приемному ребенку не стать для вас самым родным и любимым. Во всяком случае, мой сын для меня – самый близкий и любимый человек. И мне кажется, никогда и никого я не смогла бы любить больше, чем его.

Да, поначалу и я не избежала размышлений о плохой наследственности и о том, что будет, когда узнают, что я воспитываю приемного ребенка. Однако эти вопросы я решила для себя довольно легко (но об этом чуть позже). Гораздо сложнее оказалось справиться с

сомнением по поводу того, смогу ли взять на себя такую ответственность, готова ли к этому? Десяток лет спустя, когда несколько моих знакомых решали, брать или нет ребенка, и когда они спрашивали у меня совета, отвечала им одно и то же: подумайте, какая это ответственность. Вы сделаете шаг, который в корне изменит вашу жизнь, а возврата назад уже не будет. То, что это не ваш ребенок, ничего не изменит. Относитесь к этому так, как будто вы решили родить. И дело даже не в законах, а в том, что мы в ответе за тех, кого приручаем. Впрочем, и об этом тоже – чуть позже.

И все-таки, почему я решилась на этот шаг? Возможно, все дело в характере? Мне постоянно надо кого-то любить, о ком-то заботиться. Я очень привязываюсь к людям, в моей судьбе есть дружбы длиной в 25 - 30 лет. Может быть, из меня и получилась бы неплохая спутница жизни, как считают некоторые мои знакомые, но я довольно рано уяснила для себя, что больная жена – не лучший вариант, а потому не строила никаких планов о замужестве. Избежать типичных, при таком раскладе, трагедий и личных драм помогла работа: моя творческая профессия дает много интересных знакомств, широкий круг общения, делает жизнь насыщенной и нескучной. К тому же мысль о том, что мне не стоит выходить замуж, укоренялась постепенно, поэтому я не заиклилась на этом и стала думать о своем одиночестве как о чем-то само собой разумеющемся.

Ничего в жизни не происходит просто так. По роду своих занятий я побывала в нескольких детских домах и домах ребенка, и именно после этого у меня впервые появилась мысль взять на воспитание малыша. Вначале это была просто мысль, потом я стала возвращаться к ней, потом однажды, в разговоре с родителями, на вопрос, когда я выйду замуж, пошутила: «Зачем мне муж, лучше уж я собаку заведу». А отец, тогда уже серьезно болевший, потому-то и подталкивающий меня к замужеству – боялся не дожить, не увидеть внуков – вдруг сказал совершенно серьезно: «Зачем собаку. Лучше ребенка возьми».

Может быть, именно эта фраза решила все? Я вдруг поняла, что родители переживают за мою судьбу, считают, что моя жизнь не складывается, не верят, что мне хватает интересной работы и общения с друзьями, чтобы не чувствовать себя обделенной. И еще я задумалась: а не прячусь ли я сама от себя? Не обманываю ли в том, что мне хорошо и одной? Так ли уж наполнена моя жизнь? Так ли нужна я друзьям, особенно тем, у кого есть семьи и дети? Нет, нужна-то – нужна, но с годами не разойдутся ли наши взгляды на жизнь? У них – одни заботы, у меня – совсем другие. Когда-нибудь закончатся мои романы, вырастут племянницы, сменится коллектив... И что? Я поняла, что настало время принять решение, собраться с мужеством и начать настраиваться на этот важный шаг.

Первой, с кем решилась поговорить на эту тему, была моя подруга, мама троих детей. Ее энтузиазм удивил: она так горячо обрадовалась, когда я заикнулась о приемном ребенке, словно речь шла уже о принятом решении. Мои колебания она решительно отменяла. Ты что, убеждала она, ты полюбишь его как родного, и он тебя тоже. Все будет хорошо, вот увидишь, - дети такие благодарные существа, и к ним так привязываешься. Мужики, что, - все козлы и сволочи (если не знать, что она замужем второй раз и счастлива в браке, можно и поверить), а вот ребенок – это преданная, непреходящая любовь, искренняя и светлая. О многом еще переговорили мы в тот вечер, но своего подруга достигла: я стала считать свое решение чем-то естественным и совершенно нормальным. Тебе не хочется остаться одной? Хочется счастья? Хочется растить ребенка? Так в чем дело? Возьми и расти. Одиноких баб с ребенком полно! Да одной еще даже легче растить, никто лишних проблем не создает.

В общем, получалось, что одной без мужа и с приемным ребенком на руках – это просто подарок судьбы. Самое смешное, что так оно и оказалось. Но до того, как я это поняла, столько всего свалилось на мою голову, что и вспомнить страшно. Однако же все прошло, а ощущение огромного везения осталось...

Я ничего не могу поделать с этим, но когда начинаю вспоминать Дом ребенка и малышей, оставшихся там, у меня наворачиваются слезы. Так хочется верить, что дети, что воспитывались вместе с моим Алешкой, тоже нашли родителей!

Вот я иду по длинному коридору, а навстречу бежит, раскинув руки, Алешка и кричит: «МАМА!». Он увидел меня только вчера, долго дичился и не сказал ни слова. Но гостинцы и маленькую машинку взял и разрешил довести себя до группы. А сегодня, когда я шла по двору, вдруг увидела его на окне, а потом он выскочил мне навстречу. Мы гуляли, я кормила его фруктами, а когда настало время расставаться, он заревел басом и вцепился в мою руку. Воспитательница еле оттащила его в комнату, где уже все сели обедать, дверь закрыли, но я стояла и слушала, как безутешно он плачет.

На следующий день Алешка не отпускал мою руку ни на секунду. К нему в «нагрузку» мне дали на прогулку еще несколько ребят. Все они тоже норовили держаться за меня и наперебой называли мамой. Когда Алешке что-то попало в глаз, и я осторожно удалила соринку кончиком носового платка, все как один стали тереть глаза и просить посмотреть, что там такое. Потом я поправила Алешке шапку, и они тут же съехали набок у всех остальных. Потом я попыталась посадить его к себе на колени, и малыши, до этого играющие в беседке кто чем, моментально столпились около меня и, отталкивая друг друга, стали устраиваться рядом – кто-то прижался, кого-то пришлось обнять. Они заглядывали мне в глаза и, казалось, умоляли приласкать их. Достала все сладости, принесенные сыну, и принялась угощать, стараясь что-то сказать каждому, погладить, прижать. Алешка заревел. «Моя мама!», – кричал он, отталкивая ребят. «Моя!», – кричал в ответ каждый. Еле-еле успокоила их, но больше старалась ничем не выделять Алешку, поняв, что остальным тоже хочется внимания, а объяснить, что заберу я только одного, им, двух- и трехлетним было не под силу. Да и КАК это можно объяснить?

Почему именно он? Моя мудрая подруга, принявшая мое решение как должное, первое, что посоветовала – это не брать совсем маленького: лучше лет трех, чтобы избежать бессонных ночей, кучи грязных пеленок, проблем с питанием и т. д. Она понимала, что одной мне такое не потянуть. Еще посоветовала найти ребенка от молодых родителей – меньше вероятность наследственных болезней и иных отклонений. Поэтому когда главный врач дома ребенка дала мне почитать несколько историй болезни, я выбрала три из них. Девочка и два мальчика были примерно одного возраста – около трех лет, имели схожие судьбы. Матери отказались от них в силу собственной неустроенности – одна, совсем юная, заканчивала школу, вторая не имела жилья, третья зарабатывала сущие копейки. Наверное, каждая из них надеялась, что, забеременев, скорее выйдет замуж, и проблемы решатся сами собой. Но замужество не состоялось, и ребенок оказался в тягость. Мне жаль их: они и не представляют, от какого счастья отказались!

Когда в кабинет главврача привели малышей, я почему-то сразу выделила Алешку. Потом уже оказалось, что по гороскопу наши знаки наиболее подходят друг другу и у нас с ним редкая психологическая совместимость. Но в тот день, определивший нашу с ним судьбу, я ничего не могла объяснить, кроме одного – ЭТО ОН. Мои друзья, провожавшие меня в Дом ребенка, сказали у его дверей: «Ты просто посмотри на них и почувствуй, что подскажет сердце. Оно знает, что тебе надо». Я так и сделала. Посмотрела на них и... выбрала Алешку. И никогда, честное слово, никогда об этом не пожалела. Это мой ребенок! Самый родной для меня человек! Самый любимый и самый дорогой. Наверное, это судьба. И я просто не представляю, как бы я сейчас жила без него. И чем бы были заполнены все эти годы.

Но прежде, чем мы встретились в кабинете главного врача Дома ребенка, мне пришлось затратить кучу времени на сбор всевозможных справок. Справки о состоянии здоровья (в том числе из психоневрологического и наркологического диспансеров), наличии жилплощади, уровне зарплаты ... Именно на этом этапе я поняла, что тайна усыновления шита белыми нитками. Везде спрашивают, зачем данная справка нужна и где она будет предъявляться. Иногда выдумать причину весьма трудно. Кроме того трудно уничтожить и выписку из

истории болезни, которую обязательно выдают на руки в Доме ребенка. Заставить участкового педиатра переписать ее вам вряд ли удастся: помимо чисто физического отсутствия свободного времени у врача, вам скажут, что факт усыновления требуется указывать обязательно – мало ли какая проблема со здоровьем вылезет в будущем. В принципе, это так. Но запись ребенок может увидеть, когда повзрослеет и начнет ходить в поликлинику самостоятельно, а кроме того ее видят в детском саду и школе, где ребенка сопровождают выписки из истории болезни. Есть еще и прописка. Паспортистку может заинтересовать, где был прописан ваш ребенок раньше (могут потребовать даже листок «выбытия» с предыдущего места жительства, если вы начнете сочинять, что малыша сначала прописали у бабушки с дедушкой) или – почему его не прописали сразу после рождения. И в загсе показывать свидетельство об усыновлении иначе новое свидетельство вам не выдадут. В общем, почитав книги по детской психологии, наслушавшись примеров того, как приемный ребенок, повзрослев и узнав правду, пытался покончить жизнь самоубийством, я решила, что скрывать от Алешки факт усыновления не буду. И много раз потом убеждалась, что поступила совершенно правильно.

А потом: как можно скрывать факт усыновления, имея широкий круг общения? Сидеть и ждать, что кто-то где-то ляпнет что-то типа «ой, и не подумаешь, что он вам не родной»? Знаю семьи с приемными детьми, где мамы изображали беременность и даже ложились в больницу, дабы появление ребенка не вызвало подозрений. Одна решила сменить место работы, чтобы сослуживцы не проявляли назойливый интерес к невестке откуда появившемуся ребенку, а вскоре они с мужем поменяли и квартиру. Что в итоге? На работе мужа знали, что дочь – приемная, знали и соседи, т. к. кто-то из дома оказался знаком с кем-то из коллег ее мужа... К чему вообще эта морока? Чтобы уберечь ребенка? От чего? Разве лучше, если он узнает правду от чужих людей или став взрослым? Поставьте себя на его место. Посмотрите хоть однажды передачу «Жди меня». Там редкий раз не появляется взрослый человек, узнавший, что его вырастили приемные родители и страдающий от мысли, что его родной матери уже нет в живых и она никогда не увидит, что ее дитя выросло, что у него все нормально в жизни. Взрослые люди ищут своих родных матерей не для того, чтобы что-то доказать им. Они хотят доказать прежде всего себе: мы не пропали, мы такие же как все, у нас есть родители! Психологи рекомендуют не препятствовать детям, выросшим в приемных семьях, искать своих родных. Приемным родителям это ничем не грозит. Подобные поиски, если даже и увенчались успехом, ограничиваются констатацией факта кровного родства, чувств же никаких не возникает. Наоборот, после таких встреч приемные дети начинают испытывать еще большую любовь и привязанность к тем, кто их вырастил, воспитал, назвал своим сыном или дочерью.

Меня гораздо больше страшила другая опасность. Во многих детских домах и Домах ребенка нашей области нянечки, медсестры, воспитатели знали родителей своих воспитанников лично. В небольших районных городах все на виду, а уж если ты бросаешь детей, только ленивый не узнает об этом. Я боялась, что со временем в женщине, ребенка которой я буду воспитывать, проснется совесть и она захочет найти его. Слезами ли, деньгами ли она выпросит мой адрес и заявится к нам домой. Не знаю, почему мое воображение рисовало именно это, что возьму ребенка в другом городе, в другой области. В те годы это было большой проблемой и значительно усложнило процесс усыновления, но я твердо решила: если мой ребенок вырастет и сам захочет найти свою мать, я не буду ему мешать. Но никогда я не смогу спокойно смотреть в глаза женщине, оставившей маленькое беспомощное существо без своей любви и защиты. Мне кажется, я бы и сейчас не смогла говорить с ней спокойно и выплеснула бы всю боль за Алешку ей в лицо! Нет, я не сужу ее – нет у меня такого права, я просто очень хочу знать, как жилось ей все эти годы, думала ли она о брошенном ребенке, плакала ли, вспоминая о нем?

И снова – спасибо друзьям. Они сделали все возможное, чтобы усыновление состоялось в их городе. Мне даже и просить особо не пришлось: те три-четыре года, что я «дозревала» после обсуждения с ними такой возможности, они при каждом удобном случае

интересовались, не передумала ли я, советовали, как лучше поступить, в общем, принимали самое живое участие в том, чтобы поддержать меня. Их поддержку я чувствую все эти годы. Они приходили на помощь в очень трудные для меня моменты. Но самое главное, только благодаря им я смогла взять ребенка в другом городе

Сейчас все гораздо проще. Есть общедоверальный и региональные банки данных, в них можно поискать, можно приехать и познакомиться с детьми. Я всего этого была лишена и полагалась только на судьбу. Но, может, это и к лучшему. Когда берешь ребенка для того, чтобы присмотреться, - это как бы не всерьез, как бы понарошку, и возможность отступления не дает собрать волю в кулак. Можно спастись перед мнимой опасностью и не дойти до той точки отсчета, когда ребенок завоюет твое сердце и ты поймешь, что никакая сила, никакие обстоятельства не заставят тебя отказаться от него. Первые полгода, даже год, будут самыми трудными. Но когда выбор сделан, отступать некуда. Поэтому я считаю, что самое трудное, но и самое важное – утвердиться в своем решении, предварительно взвесив все «за» и «против». Только почувствовав это внутренне убеждение можно начинать действовать. Потому что вы меняете не только свою судьбу, но и судьбу маленького, неведомого вам человека. Его уже предали однажды, стоит ли брать грех на душу, чтобы предать еще раз?

Вот вроде и все. Решив, что мне надо взять приемного ребенка, обсудив не единожды это решение с близкими друзьями, «дозрев» постепенно до таких конкретных действий как сбор справок – на все про все мне потребовалось почти четыре года! – я оказалась в Доме ребенка и остановила свой выбор на Алешке. Только тут я с ужасом поняла, ЧТО я совершила! Одевая его в новенький комбинезончик, я с трудом смогла унять дрожь в руках и ногах. Мне было страшно! Что за ребенка я взяла? Как сложится наша совместная жизнь? Смогу ли я стать хорошей матерью? Не пожалею ли я о том, что сделала? Эти и подобные вопросы проносились в голове один за другим. А пути назад уже не было! Нет, конечно, я могла завести Алешку обратно в группу и сказать: «Извините, я поторопилась». Но никогда и ни за что мне было не сделать этого. Малыш смотрел на меня влюбленными, счастливыми глазами, то и дело брал меня за руку и торопил: «Поехали домой». Он и понятия не имел, что такое дом, просто кто-то из воспитателей подсказал ему эти слова. Но в тот миг я еще этого не знала. Зато знала, что уже не могу оставить этого ребенка. Потому что он доверился мне. Назвал меня мамой. Пусть он почти совсем не умел говорить и ничего не знал о жизни, которая ждала его за дверями дома ребенка! Он знал - на каком-то почти животном уровне понимал! – что его одиночеству в этом мире пришел конец. Передумать, оставить его сейчас было просто невозможно. Я не смогла бы простить себе этого предательства никогда! Наверное, это понимание было важнее любви, которой у меня могло бы и не возникнуть, важнее формальной ответственности, которая возникла после выдачи документов на усыновление. Много раз мне было очень трудно. Но ни разу после этого мига пронзительного осознания своей ответственности перед Алешкой – именно перед ним, а не перед собой или кем-то еще – я и мысли, даже тени мысли не допустила о том, что могу его бросить.

Наши университеты

За ворота Дома ребенка Алешка вышел в полном восторге. Он очень гордился новым комбинезоном (ярко-синий, с алыми вставками, он и вправду был красив), новой шапкой и сапогами. Еще были симпатичные варежки и шарфик, но главное – главное! – была мама. «Мама. Мама», - объяснял он прохожим, кондуктору в автобусе, таксисту. Выходить из такси Алешка решительно отказался. Он орал басом что-то вроде «кататься», «машина», «не хочу», и я буквально отрывала его руки от спинки сиденья. Ребенок впервые ехал в настоящей машине и, конечно, всеми силами хотел продлить это удовольствие! Помогли только уговоры, что сейчас будем кататься на паровозе.

В вагоне он возбудился еще больше – столько впечатлений не было за всю его предыдущую жизнь, - но и страх перед новым, неизвестным уже начал проявляться. Стоило мне встать, чтобы сходить переодеться, как Алешка вцепился в меня и громко заревел. Он

боялся остаться один. Все вокруг было незнакомое, все люди – чужими. Я связывала его с прошлым, он знал меня еще в Доме ребенка, когда рядом находились те, кто кормил его, укладывал спать, купал, сажал на горшок. Пару дней спустя, когда мы пришли в поликлинику оформлять справки, необходимые для детского сада, Алешка вдруг посветлел лицом и потянулся навстречу врачу, вышедшему из кабинета. Еще секунда, и он бы бросился ей на шею или обнял за колени, как обнимает маленький ребенок мать или отца. Моя первая реакция – недоумение – тут же сменилась болезненно-острым пониманием: белый халат! Весь персонал в Доме ребенка ходит в белых халатах, вот и показалось Алешке, что он снова дома, в знакомой обстановке. Из поликлиники до дома мы еле дошли. Алешка капризничал, тянул меня обратно, падал в новом комбинезоне в лужи, начинал орать – именно орать, а не реветь. Но я и сама была на грани истерики и совсем не понимала в тот миг мотивов его поведения. А ему просто хотелось вернуться в свой мир, ведь все вокруг было такое чужое!

У меня есть фотографии тех первых дней. У Алешки взгляд старичка – исподлобья, настороженно-тоскливый и усталый. Как будто он знает то, что неведомо никому. Ни на одной из фотографий он не улыбается – это он-то, мой «пустуля», как позднее стала звать его бабушка за то, что он мог начать хохотать без повода и заразить своим смехом всех, кто оказывался рядом. На более поздних фотографиях Алешка уже улыбается везде, и невозможно было заставить его сделать серьезное лицо. Ямочка на щеке и обаятельнейшая улыбка – словно визитная карточка моего ребенка. Но улыбаться и смеяться нам еще предстояло научиться.

Буквально на второй день после нашего приезда ко мне в гости пришли подруги. Алешка дичился, не шел в кухню, где мы устроили посиделки, воровато выглядывал из-за двери и тут же убегал, стоило позвать его или предложить что-то со стола. Осмелел лишь незадолго до ухода гостей и спросил мою коллегу – маленькую, худенькую, с короткой стрижкой: «А ты кто – мальчик или девочка?». Мы посмеялись, но, как оказалось, этот вопрос запал в душу каждой из нас, и много лет спустя одна из подруг спросила: «Помнишь...». Их, как и меня, поразило, что трехлетний ребенок совершенно не ориентируется во внешнем мире и не имеет представления об элементарнейших вещах. Домашнего ребенка не введут в заблуждение джинсы и короткая стрижка, он отличит мужчину от женщины по множеству других признаков. Маникюр, сережки в ушах, губная помада, колечко на руке – да мало ли знаков, которые один «прочтет», а другой – не обратит внимания, потому что просто не знает, что на это внимание обращать стоит.

Переважив это открытие, я стала показывать и рассказывать Алешке обо всем, на что наткнулся глаз. «Смотри, какая птичка»,- говорила я, показывая через окно на снегиря. «Волоня!», радостно вопил ребенок, ибо кроме ворон и воробьев никаких других птиц не знал. «Нет, это снегирь, - поправляла я его. – У него красная грудка, а ворона – черная». При этих словах меня пронзала догадка, что цветов Алешка тоже может не знать. Я брала в руки книгу и начинала показывать цвета. «Учеба» шла вовсю и на улице. «Автобус!», - тянул меня за руку сын, торопясь в детский сад. За оградой Дома ребенка проходил автобусный маршрут, и это был единственно узнаваемый вид транспорта. «Нет, - качала я головой. – Это трамвай, видишь рельсы?». День спустя я спрашивала, показывая на троллейбус: «Это трамвай?». «Да», соглашался Алешка. «А рельсы где?». «Уклали»,- живо нашелся он. «Смотри, Алеша, у него две палочки сверху, он ими за провода держится, - начинала я новый этап ликбеза. – А у автобуса и трамвая таких палочек нет». И так – день за днем.

Но если бы все можно было объяснить только незнанием! Примерно через неделю после нашего приезда нас позвали в гости. Алешка радостно дошел со мной до самой квартиры, но стоило открыться двери, как он стал пятиться, упираться и никак не хотел входить. Как только я его раздела, он...обкакался. В суматохе с переодеванием, стиркой, знакомством с детьми и взрослыми, я не проанализировала этот инцидент, вернее, не придала ему должного значения, и только позднее, в цепочке других событий, я вспомнила этот случай и поняла, как страшно тогда было ребенку. Кто знает, какие мысли рождались в его голове: может быть, он думал, что его снова привели жить в другое место, с другими людьми, с другой тетей, а я

уйду, уеду, оставлю его. Мы еще несколько раз сходили в гости, где сначала Алешка капризничал, требовал внимания к себе (наверное, боялся, что если он не будет напоминать о своем существовании, то я о нем забуду), а потом привык, и эти походы стали для нас праздником. Его, что называется, не было видно и слышно. Он мог играть сам с собой, если в доме не было сверстников, ел все, что предложат, не просился спать, даже если мы засиживались допоздна. (Однажды после нашего ухода из гостей он даже лег на лавочку на остановке, пока мы ждали троллейбус, и уснул – было почти двенадцать ночи). Но никогда он не тянул меня домой и не хныкал, что устал, как это было вначале. Он перестал бояться перемены мест, обстановки, людей.

Дома с ним в этом плане тоже не было никаких проблем. Если у нас были гости, он не приставал к взрослым, играя в комнате. Исключение из правил – если в гости в приходил кто-то впервые. Алешка тогда мог появляться каждые пять минут, что-то спрашивая, прося помочь, посмотреть, что он сделал и т.п. Он как бы давал понять, что я – его, и принадлежу только ему, что главный для меня – именно он. Но стоило этому человеку придти во второй, в третий раз, и Алешка успокаивался. Он знал, что гость уйдет, что все в нашем доме будет по-прежнему.

Этот «собственнический» инстинкт распространялся одинаково и на женщин, и на мужчин. Но лет в пять Алешка стал смотреть на моих знакомых мужского пола несколько более заинтересованно. Наконец, он как-то спросил моего приятеля: «Ты будешь моим папой?». Тот растерялся: ни о каких близких отношениях между нами речи не было. Мне кажется, я нашла в тот момент единственно правильный вариант ответа. Совершенно спокойно я объяснила Алешке, что у этого дяди есть свои дети, есть жена, а мы просто вместе работаем. Позднее, укладывая сына спать, я вернулась к этой теме и стала вспоминать наших знакомых детей, у которых тоже нет пап. Я пыталась внушить ему, что ничего необычного в нашей ситуации нет, и многие мамы растят детей одни. «А где же мой папа?», – тем не менее спросил Алешка. Видимо, рано или поздно тема папы должна была возникнуть. Я ответила, что он уехал далеко-далеко и никто не сказал ему, что у него есть сыночек. Представляешь, как ему плохо, говорила я: вот живет он и не знает, что у него растет такой замечательный сын. Умный, добрый, ласковый. Хулига-а-анище-е-е... Весь разговор я постаралась свести к тому, что в принципе, папа нам не очень-то и нужен. Мы прекрасно обходимся без него. Главное, что у тебя есть мама. И мы – семья. Мы любим друг друга, вот что важно. Так что все у нас хорошо.

Впрочем, о моих отношениях с мужчинами стоит сказать особо. То, что я не собиралась замуж, еще не означало, что я избегала романов и флиртов. Кое-кого из моих поклонников появление ребенка удивило. То есть удивил не сам факт, а то, что я на подобное решилась. Кто-то искренне считал, что я еще выйду замуж, кто-то считал, что без ребенка я – гораздо привлекательнее. Разумеется. Одинокая женщина с собственной квартирой, достаточно зарабатывающая, не дура и не стерва. Можно придти в гости, можно претендовать на развитие отношений. А тут – так некстати! – ребенок. Зачем он нам?

Им-то – да, а нам – очень даже зачем. Моя жизнь с появлением Алешки изменилась в корне. Я стала более несвободна, но эта несвобода была такой сладкой! Я уже не могла пойти после работы, куда захочу, я должна была сидеть дома с больным ребенком, я не могла поехать в отпуск одна, не могла спать в выходные по полдня... Я много чего еще не могла. Но зато каждое мое утро начиналось с того, что Алешка подбегал к дивану, будил меня, целуя в нос и приговаривая: «Мамочка любимая моя». Зато в выходные в комнате целый день звенел его голосок – Алешка патологически не мог молчать – он вечно что-то напевал, рассказывал игрушкам, сочинял вслух истории, строя домики или выкладывая мозаику. Я так и звала его – птичка моя, приговаривая: «щебечи, мой маленький, щебечи». У меня появилась возможность заботиться, не задумываясь при этом, а как эта моя забота будет воспринята. Мужчины нередко расценивают внимание как покушение на личную свободу, ребенок принимает его как должное. В душе же каждой женщины живет стремление опекать,

баловать, радовать. И ребенок такую возможность дает, помогает реализовать нерастрченную нежность и любовь. У меня никогда не было синдрома одинокой женщины, и, возможно, именно поэтому я не была обделена вниманием мужчин, но наличие ребенка заметно повысил мою самооценку и, как мне казалось, мой статус в глазах окружающих. Еще у меня появился такой прекрасный повод для разговоров! Я могу говорить о своем сыне часами, с кем угодно. Лишь бы слушали! Да и с подругами я стала более близка, наши отношения приобрели особую теплоту и душевность. Никакие сплетни о мужчинах, обсуждения нарядов, советы о выборе косметики не способны так подружить. Но дети... Дети – это наше все!

Как приятно, например, пересказывать милые детские перлы. Помню, однажды я долго хохотала, когда Алешка изменил традиционное утреннее «воркование» и с придыханием сказал, глядя меня по голове: «Мамочка любимая, мелзкая моя». Дело в том, что я частенько говорила ему, тоже с нежностью в голосе: «Мерзавчик ты мой», когда он делал что-то не так, но ругать его не хотелось и я сердилась как бы понарошку. С тех давних пор, кстати, слово «мерзавец» в нашей семье – иронично-ласкательное, употребляемое только в шутку. Вообще, кроме как «мамочка» и «мамуля» он меня не называл. Став взрослым, придумал производное от этих слов – мусик. «Мамка» - наше самое страшное ругательство. Однажды Алешка на меня за что-то разозлился и стал кричать: «Дуяк! Дуяк!», что означало – спасибо детскому саду за постоянное пополнение нашего словарного запаса! – «дурак». Я рассмеялась и сказала: «Дурак – это мужчина, а я же женщина». Алешка задумался, потом в запале выкрикнул: «Дуяка!». Я снова рассмеялась, сказала, что такого слова нет, значит, и называть меня так нельзя. Сын опять задумался, но поскольку упрям был не в меру, стоял на своем: «Мамка! Мамка-пижамка!». С тех пор и повелось. Если начинал сердиться, обзывался: «мамка-пижамка». Хотя, если честно, случалось это так редко.

У Алешки оказался удивительный характер. Очень добрый, светлый, оптимистичный. Были моменты, когда я училась у него мужеству. Однажды, подбросив его бабушке выздоравливать (болел он часто и подолгу, поэтому, когда наступало улучшение, я отвозила его к маме и выходила на работу), уехала в командировку. Как и положено, без меня случилось ЧП. Бабушка ушла в магазин, и Алешка умудрился за недолгое время ее отсутствия запихать в нос довольно крупную мозаику. Дело было вечером, «скорая» отвезла их в специализированную больницу, где детский хирург дежурил круглосуточно. Мозаику извлекли, Алешке было больно и страшно, губенки у него, как потом рассказывала бабушка побледнели и тряслись, в глазах стояли слезы. А тут еще пошел дождь со снегом, долго не было транспорта – другой конец города, одиннадцать вечера, холодно и темно. Знаете, что сказал мой ребенок, выйдя из троллейбуса и шлепая по грязи по темной холодной улице? Ни за что не догадаетесь! Он сказал: «Ладно, бабуса, зато на тлоллейбусе накатались». У него и сейчас любимая фраза: «Не будем о плохом». Может быть, он бежит от плохого неосознанно, а может быть, знает об этой жизни такое, что все остальное кажется ему не заслуживающим внимания...

И по сей день Алешка очень доверчив и привязчив. Он начинает любить каждого, кто проявит к нему хоть немного тепла и участия. Я думаю, это от того, что его недолюбили в детстве. Как бы не щедра была моя любовь, как бы не обнимала и целовала я его, сколько бы не говорила, как он дорог мне, в его памяти живут дни одиночества и ненужности - без тепла материнских рук и нежности родных голосов, без убаюкивающей песни, без слышного сквозь температуру сердцебиения, когда больного ребенка крепко прижимают к груди, заклиная: выздоравливай, поправляйся... Было время, когда его не носили на руках, не качали в кроватке, не читали на ночь сказки и не пели колыбельных. Когда не баловали игрушками, сладостями и фруктами. Где-то в подсознании память об этом сохранилась. И потому, наверное, он так благодарен за любое внимание к нему. Я очень хочу, чтобы мой сын рос счастливым, но понимаю, что он гораздо более раним, чуток, эмоционален, чем его сверстники. Он острее реагирует на несправедливость, непосредственнее проявляет свои чувства, он очень открыт и искренен. Очень надеюсь, что с возрастом он научится держать

себя в руках, научиться быть не слишком доверчивым, но пока эта наука дается нам с трудом. Он верит – ему так хочется этого! – что его все любят. И даже когда понимает, что это не так, все равно продолжает верить.

Я не хотела бы видеть его махровым эгоистом, поэтому рано начала объяснять, что не каждый, кто тебе нравится, обязательно будет любить тебя в ответ. В нашей жизни были предательства друзей, хорошо, что обошлось без драм. Я каждый раз объясняла, почему тот или иной его друг поступил так, а не иначе. Это помогло нам установить достаточно доверительные отношения. Когда классе в седьмом у Алешки случился конфликт с одноклассниками, он не стал скрывать от меня, что его бьют, причем – несколько человек, а зачинщиком выступает один. Я пообещала родителям обидчиков обратиться в инспекцию по делам несовершеннолетних. Подействовало. Потом зачинщика драк оставили на второй год, а позднее и вообще выгнали из школы. Но прошел год, и один из одноклассников, причем, ходивший до этого к нам в гости, стал вымогать у Алешки деньги. Он очень не хотел, чтобы я вмешивалась в этот конфликт, считал, что будет выглядеть в глазах других доносчиком, но я убедила, что даже взрослые, когда не могут справиться с ситуацией, обращаются за помощью в милицию или суд. Вмешалась. С тех пор обидчик в нашем доме не бывал и, к слову, остался вообще без друзей. Алешка же, хоть и переживал по поводу его вероломства, научился оценивать отношения с ровесниками более объективно и перестал каждого называть другом.

Но драться так и не научился. Я понимаю, что мужчина должен уметь постоять за себя, но ничего теперь уже не исправишь. Наверное, виновато мое «женское» воспитание. Помню, в первом классе я попыталась что-то изменить в его характер, но ничего из этого не получилось. Его очень обижал один мальчик за то, что Алешка не разрешал ему говорить девочкам «матные» слова. Тот продолжал ругаться матом и обзывать нехорошими словами соседку по парте и соседку Алешки – они сидели в классе друг за другом. Мой правдолюбец не нашел ничего лучшего, как пожаловаться бабушке грубияна, – она приходила за ним в школу. После этого Алешке и стало доставаться. Я убеждала его дать сдачу, не бояться, говорила, что Алешка выше ростом и сильнее. Мои беседы принесли пользу. Как-то, придя из школы, Алешка стал рассказывать, как он дал отпор своему обидчику. Я похвалила его, сказала, что он молодец. Через день разговор повторился, только теперь уже Алешка рассказывал о драке без всякого страха. Еще через день я сама спросила сына, не обижали ли его. Он весело рассказал, что только показал кулак и недруг испугался, убежал в туалет (дело было на перемене, поняла я). Эти сказки я слушала месяц, не меньше, прежде, чем до меня дошло, что ребенок мне врет! Он пришел из школы с шишкой и синяком, и только по этой причине правда всплыла. А так я бы еще долго слушала описания его подвигов и верила, сто сын научился давать сдачу обидчикам. Не научился. А теперь уж и не научится. Моя вина.

У меня были свои «университеты». Прежде всего мне пришлось научиться объяснять знакомым, откуда вдруг у меня появился ребенок. Кое для кого это факт стал проверкой «на вшивость». До сих пор ношу в душе осадок после разговора с одной из приятельниц. Мы общаемся и до сих пор, но нет-нет, да и всплывет в памяти та давняя встреча, когда она объяснила мне, что думает об Алешке наша общая знакомая. «Представляешь, – возмущалась она вполне искренне. – Марина считает, что Алешка – олигофрен, и ты его долго не решалась забрать из больницы, а теперь забрала, но не признаешься, что он – твой родной сын». Педагог по образованию, она была поражена, что в три года ребенок очень плохо говорит, не выговаривает большинство букв, не знает многих – таких простых по ее мнению – вещей. И, заглядывая мне в глаза, утвердительно – вопросительно говоря: «Как она могла такое подумать!», – сама тем не менее не считала слишком уж абсурдным подобное предположение. Да и нелепый этот разговор затеяла всего скорее с надеждой услышать от меня категоричное: «Да нет, конечно! Что за чушь!».

Но если это испытание заняло непродолжительный промежуток времени, то подстраивать себя под Алешку я училась довольно долго. Как и любой опыт в жизни, все пришло со временем. Я изменила распорядок дня, рацион питания, отказалась от многих привычек, да что там – я полностью изменила свою жизнь! Постепенно все в нашей семье начало

строиться, исходя прежде всего из интересов сынишки. Самый показательный пример – мое равнодушие к сладкому. Всегда была сладкоежкой, шоколадные конфеты могла есть килограммами. Но поскольку денег вечно не хватало, сладкое покупала редко и понемногу. Так вот: я вдруг с удивлением обнаружила, что мне совсем не хочется конфет. Это открытие сделала в Новый год, скармливая Алешке сладости из подарков. Я смотрела на шоколад, который не ела сто лет, совершенно равнодушно. Мне не хотелось отломить даже кусочка. Потом поймала себя на мысли, что стала охотнее есть молочное, к которому, наоборот, была равнодушна. Заметила, что рано стала ложиться спать, потому что Алешка не засыпал без меня. И это я – страдающая бессонницей, которую не могла побороть даже с помощью таблеток! А отпуск? Всегда предпочитала отдых в одиночестве, потому что жутко уставала от общения, но в первую же нашу поездку к морю поняла, как мне хорошо с сыном, и он мне совсем не мешает, а даже наоборот – делает отдых гораздо интереснее. С тех пор мы никогда не отдыхали порознь, и мне никогда не хотелось отдохнуть от Алешки.

Еще одно удивительное открытие по поводу самой себя я сделала тогда, когда поняла, что мне совсем не хочется никаких романов. Я – человек влюбчивый, увлекающийся. Бывало, что объект моей платонической влюбленности даже и не подозревал, какие чувства бурлят во мне. Но развитие отношений мне и не было нужно. Всего скорее, таким образом я просто постоянно поддерживала себя в творческой форме. А тут – как отрезало. Моя жизнь оказалась столь наполненной, что места в ней для мужчин не осталось вообще. Все эмоции, все переживания, вся моя любовь достались Алешке, ему одному, и мне этого было вполне достаточно. Прошло несколько лет, прежде, чем я снова стала воспринимать мужчин как объект каких-либо чувств. Но полюбить или влюбиться уже ни разу не смогла. Мое сердце безраздельно принадлежит сыну. И мне совсем не хочется что-либо менять.

То, о чем я не знала, а потому и не могла спросить.

Когда я оформляла документы на Алешку, мне предложили «убавить» один год, сказав, что так поступают многие приемные родители. Я отказалась, ответив, что мы быстро догоним сверстников – с интеллектом у Алешки было все в порядке. Увы! Мне не объяснили, что интеллект и психика – две большие разницы, и что отставание в общем развитии «ликвидировать» гораздо легче, чем отставание в развитии психологическом. Сама я поняла это только когда настала пора идти в школу.

В 7 лет мой сын оставался пятилетним ребенком. Все тесты, положенные первоклашке, он проходил, подтверждая, что с развитием, памятью, вниманием, логикой у него нормально. Но вот отношение к занятиям, дисциплина, необходимость сидеть полчаса за партой и слушать учителя... Заставьте пятилетнего малыша высидеть урок: он будет вертеться, вставать, разговаривать. Именно так и вел себя Алешка. Ничего, кроме раздражения, он, естественно, у учительницы не вызывал. Нас не спасли ни его ум, ни его отличная память, ни развитое воображение – к концу первого класса мы прочно заняли место самого слабого «троечника». Вот тут-то я и пожалела, что не изменила дату рождения – лишний год до школы нам бы очень не помешал. Еще пожалела, что не оставила Алешку еще на год в детском саду. Такой вариант предложила мне умная и опытная заведующая, видевшая, что к школе ребенок совершенно не готов. Алешка уперся: «Хочу в школу!». И я пошла у него на поводу. Ну, и получила по полной программе.

Все одиннадцать лет в школе я постоянно доказывала учителям, что ребенок у меня золото, только вот неусидчивый очень. Винула себя – вырос, мол, в творческой среде, вот и раскован не в меру. А проблема упиралась в то, что, запустив первоначальные знания, мы так и не догнали программу. Заставить Алешку делать уроки первые два-три года было практически невозможно. Выручали хорошая память и сообразительность, но когда начались математика, физика, химия – начались и «двойки». Особенно тяжело пришлось с русским. Имея богатый словарный запас (у Алешки правильная речь, он не путает ударения, не употребляет слов-сорняков, легко каламбурит) и легко поддерживая разговор даже со взрослыми, он пишет с ужасным количеством ошибок. Не помогли ни наказания, ни тренировки по переписыванию текстов и домашние диктанты, ни занятия с репетиторами.

Преподаватель литературы и русского в 11 классе объяснила мне, что это может быть последствие каких-либо психологических травм (уж мне ли не знать – каких!) и что исправить подобную неграмотность можно лишь в начальных классах. Но в начальных классах мой ребенок вызывал стойкую аллергию своим поведением, и легче (а, возможно, и приятнее) было ставить ему плохие оценки, чем пытаться помочь освоить грамоту. С тем и идем по жизни. Когда Алешка писал первое в своей жизни заявление о приеме на работу (дело было в школьные каникулы), я просто ушла из кабинета – пусть сам краснеет! Одно утешает: есть масса профессий, где знание грамматики и орфографии не обязательно. В общем, трагедию из этого факта мы не делаем, пытаюсь приспособиться к обстоятельствам (в частности, получить хоть какое-то образование). Но если бы мне кто-то умный объяснил в свое время, что к чему, я сэкономила бы массу времени, средств и сил, а также нервов – как своих, так и чужих.

Вообще-то, во всех нормальных странах с приемными родителями работают психологи. Их помощь просто незаменима, особенно в первое время. У нас этого нет. Хорошо, конечно, что я начиталась книг по психологии, что среди моих друзей есть многодетные мамы и папы и что у меня есть друзья – профессиональные педагоги и психологи. А если человеку не с кем посоветоваться, если его жизненный опыт невелик и если психологией он не увлекался и умных книг не читал? Правда, сейчас другое время, и можно запросто попасть на прием к детскому психологу. Главное, не надо этого бояться и, что еще важнее, не надо закрывать на проблемы глаза. Сами по себе они не решатся.

Я, например, виню себя в том, что ничего не делала, чтобы справиться с инфантильностью сына. До восьмого класса он засыпал с пальцем во рту. Даже заканчивая школу, не расстался с этой привычкой! Задумавшись или увлекшись игрой на компьютере, он машинально начинает сосать палец. Он очень наивен, в том числе и в суждениях, хотя при этом умен и рассудителен. Просто в свои шестнадцать он обладает психологией четырнадцатилетнего подростка. В восемнадцать он будет в душе пятнадцатилетним! Как объяснить это той же призывной комиссии? Какие справки собирать, чтобы ему дали отсрочку от армии? Мотив – «до повзреления»?

Ну, ладно – это не смертельно, есть даже категория вечных мужчин-детей. Но помощь психолога нужна и по более серьезным поводам. Меня, например, умиляло, что Алешка всегда приходил после наказания просить прощения. А оказалось, что приемные дети всю жизнь живут с чувством вины в душе. Узнала об этом случайно, когда моя приятельница-психолог принесла почитать перевод отчета об исследованиях американских психотерапевтов. Они делают вывод, что большинство приемных детей, даже став взрослыми, переживает свою отверженность. «Раз меня оставили, значит, я плохой», – с этим они идут по жизни! Неуверенность в себе, самокопательство, склонность к суицидам – вот чем это оборачивается. Господи! Да знала бы я раньше, постоянно внушала бы сыну, что он самый хороший! А я? Накажу его, маленького, он проревется, как и все дети, а потом придет, сядет ко мне на колени, прижмется и, заглядывая с мольбой в глаза, начинает просить прощения. Правда, я его всегда успокаивала, начинала целовать, гладить по голове и объяснять, что мама наказала его за один, конкретный поступок, а на самом деле Алеша хороший, он будет слушаться маму... Наверное, чисто интуитивно я понимала, что Алешке требуется большая, нежели его сверстникам, уверенность в себе, поэтому в детстве у нас была такая игра. Он устраивался у меня на коленях или подкатывался ко мне под бок, я прижимала его к себе и на ушко начинала перечислять все его достоинства. Вспоминала все: Алеша у меня очень веселый, хохотун, певун, очень ласковый, мамин помощник, главный дружок, звонкий петушок, кушает все-все-все, глазки моет каждое утро... Иногда достоинств набиралось не один десяток! И я говорила: «Вот какой у меня замечательный ребенок. Подумаешь, не слушается иногда – это с каждым бывает. А вот такого характера ни у кого нет. Повезло маме с тобой!».

В начальных классах эта игра превратилась в своего рода психологический тренинг. Замордовали Алешку основательно. Во втором классе, придя из школы, он начинал ходить за мной с выражением брошенного щенка на лице и, заглядывая с мольбой в глаза, то и дело

спрашивал: «Мамочка, ты меня любишь?». Иногда, когда я сажала его к себе на колени и начинала рассказывать, какой он хороший и как много у него хороших качеств, он перебивал меня: «А в школе сказали, что я идиот» или «А учительница меня дураком назвала». Слава Богу, у меня хватило ума перевести его в другую школу – в третьем классе Алешка перестал комплексовать так сильно, и наших домашних «похвалушек» стало достаточно для того, чтобы он начал верить в себя. Но даже позднее, в старших классах, у него случались «приступы» самобичевания, и тогда я безудержно начинала хвалить его. А присказка: «Что бы я делала без тебя?!» – это сущая правда. И Алешка знает об этом, хоть и язвит: «Что – орать было бы не на кого?».

По поводу «ораний», наказаний и прочих воспитательных мер. Не знаю, правильно ли это с точки зрения психологии и педагогики, но ругать и наказывать Алешку я стала по принципу «как своего». Одна из моих приятельниц как-то сказала: «Вот вырастет он и скажет тебе, что ты наказывала его, потому, что он – не родной». На что я ей ответила: «А я ему скажу, что никогда не чувствовала его неродным, потому и наказывала. Всех детей наказывают, чем он хуже?». Это действительно так. Я не хотела, чтобы Алешка вырос избалованным, эгоистичным, не уважающим общепринятые нормы поведения. К тому же у нас в доме не было «жесткой мужской руки», и мне приходилось быть и матерью, и отцом, то есть проявлять не только мягкость, но и твердость. Были случаи, когда я бралась за ремень, правда, вскоре он стал «наглядным» предметом воспитания – висел на видном месте, и одного только обещания типа: «А ремня?» – хватало для того, чтобы Алешка пришел в себя. Что касается крика... Я эмоциональный человек, и громкий разнос – это скорее демонстрация обиды, недовольства, нежели наказание. Алешка это понял довольно рано и для него гораздо большим наказанием было мое молчание. Когда я молча выходила из комнаты, он тут же чувствовал, что я обиделась и бежал следом на кухню: «Мусечка, ну не сердись, сейчас все сделаю».

Думаю, что в наказании главное – адекватность. Нормальная мать не схватится за ремень, если ребенок разбил чашку. Если ребенок плохо ест, глупо ставить его в угол – он будет только рад, что его увели из-за стола. Я, например, просто молча снимала Алешку со стула: «Все, иди в комнату», – когда он начинал капризничать и говорить, что он это не будет есть. Не будешь? Не надо, оставайся голодным. Тут же бежал обратно: я передумал, я буду кашу, она вкусная. К слову, Алешка вырос совершенно не привередливым к еде, ест все, что дадут, да еще и нахваливает. У нас был период, когда мы не могли позволить купить даже кусочек колбасы, так он ел пустую отварную картошку (даже без масла!) и приговаривал: «Как вкусно». Запомнился и другой прием воспитания. Он очень разбрасывал по комнате игрушки, а убирать их не любил, – как и все дети, наверное. В каждой семье решают этот вопрос по-разному. Кто-то считает, что легче самому убрать, кто-то ругает ребенка и заставляет прибраться чуть ли не силой. Я поступила проще. Не хочешь – не убирай, я унесу все игрушки в подвал, тогда и заставлять тебя навести порядок не надо будет. Собрала в коробку и вынесла. Через день Алешка упросил принести игрушки обратно, после этого какое-то время складывал их на место, а когда снова начался бардак, я молча стала собирать их в коробку. Он вцепился в мою руку и чуть не плача стал просить не уносить игрушки: «Я уберу их, мамочка, уберу». Не скажу, что мой ребенок педант и каждая вещь у него имеет свое место, но относительный порядок он поддерживает, время от времени вываливая, например, учебники и тетради из шкафа на пол и начиная наводить чистоту. Делает это сам, без моих напоминаний.

Повторю: возможно, это неверно с точки зрения педагогики, но определенная твердость, даже жесткость, в ограничениях на первых порах нужна непременно. Он может бояться, но это не будет послушание и уж тем более – понимание, что можно, а что нельзя. Его может остановить только страх перед наказанием. В самый первый день, дома, за обедом я протянула руку, чтобы погладить Алешку по голове, – за то, что так аккуратно и с аппетитом кушает. А он моментально прикрыл голову руками и сжался. Его не гладили по голове, а били! Страх жил в нем долго, но мои просьбы и простое слово «нельзя» он упорно игнорировал. Никто ведь не объяснял ему, что, к примеру, залезать на диван в грязной обуви

нельзя – дивана в его жизни не было, поэтому он и не понимал, почему я сержусь. Или: почему нельзя бегать по салону трамвая, почему надо сидеть? Он вырывал руку, падал на пол, когда трамвай резко тормозил, я готова была его убить, потому что в детский сад мы приезжали грязными, но общественный транспорт вошел в его жизнь слишком поздно, и Алешка не сразу понял, как надо себя вести.

А сколько игрушек он переломал, сколько книжек изорвал, прежде, чем в его сознании утвердилось такое понятие как «мое»! Это чужие вещи не жалко портить, свое же обычно берегут. Но у ребенка, знавшего только казенный дом и казенное имущество, бережное отношение к вещам напрочь отсутствовало. Если ты не захватишь игрушку, ее захватит другой. Кто-то другой будет играть и сломает твою любимую машинку. Так что ничего страшного, если ее сломал я – зато успел поиграть. Он долго не мог поверить, что у него есть собственный дом, своя – только его! – мама. В детском саду, когда я приходила за ним, он все норовил вырваться из моих рук, когда я его одевала, потому что ему было не до одевания. Всем родителям и детям, что находились в тот момент в раздевалке, он с гордостью объяснял: «Моя мама!», «Это моя мама!». А дома подходил, например, к двери и спрашивал: «Это моя дверь?», «Это мой стул?». Его удивляло и радовало, что есть своя тарелка, чашка, тапки. «Мое!, Мое!», – мог гордо демонстрировать он гостям ту или иную вещь. Но в промежутке между удивлением и осознанием он успел перепортить кучу всего. Небрежность к вещам, к слову, осталась и по сей день.

Да что там говорить! В три года Алешка не знал массу элементарных вещей! Сначала он называл мамой не только меня, но и моих подруг, воспитательницу в детском саду, даже чужих женщин, сидящих рядом с ним в транспорте. Смысла слова он просто не знал, видимо, полагая, что так надо обращаться ко всем тетям. Он не знал, что это такое «пойти в гости». И что такое день рождения, Новый год. Кто такой Дед Мороз или Чебурашка. Вначале он спрашивал, показывая на картофелину: это яблоко? И свеклу тоже считал яблоком. Он смело бросался на проезжую часть, прямо под машины, потому что никогда раньше не видел их, не знал, что это опасно. Он не ел варенья и бананов, шоколадных конфет и сосисок, даже чай он пил несладкий! Когда я впервые купила ему бананов, он болел. Бананы ему очень понравились. Укладывая его спать днем, я, чтобы он не капризничал, обещала: «Поспишь, проснешься и дам тебе банан». Он засыпал, садился на кровати с закрытыми глазами и говорил: «Я поспал, дай банан». К книжкам приучала с большим трудом. Сначала научила смотреть картинки. Потом стала рассказывать, что на них нарисовано. И только спустя почти год он научился слушать чтение.

Он не умел даже целоваться! Его первая ласка была казенной, как и вся жизнь до этого: примерно неделю спустя после того, как он уже жил у меня, Алешка...погладил меня по голове. А первый поцелуй выглядел так: он ткнулся носом в мою щеку, потом еще и еще, но так и не догадался коснуться губами. Зато потом бабушка звала его не иначе, как «лизуля» – оказалось, что он очень ласковый, чуть что – лезет целоваться, любит, когда целуют его. Ту ласку, что не добрал в первые годы жизни, он добирал потом долго-долго.

Был у нас и другой «бзик». Алешке не довелось поездить в колясках и потому он смотрел на них восторженными глазами и тут же цеплялся за ручки, помогал везти. Мамам я объясняла, что сын без ума от техники, не иначе – вырастет автомобилистом, но понимала, что дело в другом. Пару раз знакомые позволили ему залезть в коляску, но Алешка был уже большим, не помещался, ему было неудобно и он постепенно охладел, стал относиться к коляскам спокойно. А вот на санках его возили даже классе в третьем, просил бабушку покатавать его. Бабушка ворчала, что, мол, жених уже, однако катала. Кстати, и на коленях сидел, что называется, до упора. Последний раз забрался ко мне на колени классе в восьмом. Сложился словно перочинный ножик и все равно не поместился. Я рассмеялась: «Все, Алешка, кончилась лафа». И что? Стоит мне теперь сесть на диван, как ребенок тут как тут, голову на колени и требует: «Гладь меня». Жмурится как кот, только что не мурлычет. Еще любит положить голову ко мне на колени, и чтобы я гладила ему спину. Успокаивающий массаж, объяснила мне подруга-врач.

И поглаживание, столь необходимое ему, и сосание пальца – признак внутренней, скрытой тревоги. На подсознательном уровне у него не проходит мысль о том, что его бросили.

Первый раз о том, что он не кровный, а приемный, я объяснила Алешке, когда он учился в первом классе. И как оказалось, сделала это очень вовремя. Буквально несколько недель спустя он пришел с прогулки с вопросом: «А почему Димка говорит, что я из приюта? Он что ли дурак?». Димка – сын соседей, переехавших в наш дом с Дальнего Востока к своей престарелой матери. Видимо, среди вороха новостей, рассказов о том, что случилось за годы их отсутствия, всплыла и информация обо мне. Младший сын новость услышал, поспешил удовлетворить свое любопытство. Увидев его бабушку во дворе, я сказала напрямик о тайне усыновления и об ответственности за ее огласку, пообещав обратиться в суд, если моему сыну еще раз зададут подобный вопрос. Прошло два-три месяца и уже во дворе нашей бабушки Алешке задал тот же вопрос мальчик из соседнего дома, с которым сын играл, когда приезжал туда на выходные. Я объяснила, что приют – это дом, где живут дети, убежавшие от плохих родителей. Мама и папа пьют, бьют своих сыночков и дочерей, не дают им кушать, не покупают игрушек. А я взяла Алешку в доме ребенка, куда из роддома привозят тех, кого хотят усыновить. Есть мамы, которые не могут сами родить ребеночка, как же им жить совсем одним? А есть мамы, у которых детей уже много и денег на еду не хватает. Вот они и договариваются с врачами, что их ребеночка возьмет новая мама. Я же – твоя мама, убеждала я Алешку, ты мой сын, только я тебя в животике не носила. Этот аргумент я повторяла всегда, в конце концов, уже взрослым, сын как-то сказал с иронией: «Мать, сознайся, я – из пробирки!». Вообще, чувство иронии нам здорово помогало. Со временем мы научились не драматизировать факт усыновления. Алешка, например говорил: «Не буду это делать и не заставишь, ты же мне не мать». «Ах, не мать! Кормить не буду». Или: «Все матери как матери, а ты как не родная», – это если надо чего-то выпросить. Мне кажется, чем чаще мы обсуждали эту тему, тем проще относился к ней Алешка. Но это пришло с годами. Вначале же он очень переживал. Помню однажды, классе во втором, закомплексованный дурой-учительницей и постоянно пристающий ко мне с вопросом: «Ты меня любишь», он сам заговорил на тему: «А почему ты выбрала именно меня?». В который раз стала говорить о том, что он был самым лучшим, симпатичным, веселым, сразу забрался ко мне на руки и обнял меня. Я говорила о том, что это так здорово, что мы вместе, что никого кроме него я не смогла бы полюбить так же. А Алешка вдруг заревел: «Нет. Я очень плохой. Потому что мамочка и папочка бросили меня». В тот раз я свела разговор к тому, что многие мужчины даже не знают, что у них есть ребенок. Говорила о том, что они приезжают в командировки или в отпуск, знакомятся с женщинами, говорят, что женятся на них, а потом уезжают и никто не сообщает им, что родился сын или дочь. Алешка успокоился, а потом неожиданно для меня сделал вывод: «Я никогда не оставлю своих детей».

Сейчас другое время. О приемных семьях много пишут, говорят, и это хорошо. Чем проще – естественнее – общество станет относиться к этому, тем меньше трагедий будет у приемных детей. В других странах никто не скрывает, что ребенок – приемный. Многие знаменитости берут детей, говорят об этом в интервью, а дети относятся к этому вполне нормально. Наше же отношение – как к некоей постыдной тайне – приводило в том числе и к самоубийствам. Ребенок, лет в 14 или в 16 узнав, что родители – не родные, лезет в петлю, потому что считает, будто его все эти годы обманывали, врал. Со свойственным этому возрасту максимализмом, он считает, что его не считали за человека, раз не говорили правды. Мир рушится, и поди докажи, что хотели как лучше. Я не умею врать вообще – ни в большом, ни в малом. Эту охоту мне отбили веревкой (ремня под руками не оказалось) классе в третьем. Повод был пустяковый – я истригла пионерский галстук, чтобы сделать звездочки на рукав, кем-то там меня избрали в пионерской организации. Но досталось мне здорово, и с тех пор врать у меня не получается. Так что с Алешкой мне было проще жить без обмана. Как оказалось, и его устроила именно правда. Я для него – непререкаемый авторитет, он привык мне верить, это проявляется, например, в том, что он доверяет мне свои проблемы, зная, что я их помогу ему решить. Это доверие дороже всего, ему не страшно отсутствие кровного

родства. Куда трагичнее отсутствие душевной близости с родным человеком. Прав был Киплинг: мы все одной крови...

Однако понимать и чувствовать друг друга мы научились не сразу. Первое время Алешка был неуправляем, ничего не понимал, совершенно меня не слушался. Позднее уже, много времени спустя, я поняла, что такой была его реакция на резкие перемены в жизни. Наверное, он находился в состоянии глубокого стресса. И в тот период мне бы здорово помогли консультации психолога, возможно даже – коррекция поведения. Но невропатолог прописывал только успокаивающие микстуры, я же до всего доходила методом проб и ошибок.

Весь первый год Алешка болел – бронхит сменяло ОРЗ, потом снова начинался кашель, потом начинало течь из носа... Я решила, что все наши беды от того, что в доме ребенка у малышни не было контактов с окружающим миром, а, следовательно, они не соприкасались с микробами, инфекциями. После достаточно стерильного существования, организм «охотно» шел на контакт с любой заразой. Так на изменения в своей жизни Алешка реагировал на уровне организма. Додуматься до того, что должна быть и психологическая реакция, помешала элементарная замотанность. Появление ребенка резко изменило и мою жизнь, я многого не успевала, копились долги на работе, выходные пролетали как один миг, но дел не становилось меньше. Однажды, спустя, наверное, уже полгода, ранним утром в субботу Алешка вновь разбудил меня, а я плохо спала все эти месяцы, недосыпала, мне трудно было открыть глаза, но я встала, начала кормить его. Он капризничал, не слушался, вредничал. И я сорвалась. Села в кресло посередине комнаты и зарыдала в голос. Мне казалось, что никогда я не смогу ладить с ним, ничего у меня не получится. Этот ребенок – чужой, и чужим останется для меня. Я переоценила свои силы, мне этого не надо... Я сидела и редела, и вдруг Алешка подошел ко мне, забрался на колени, обнял и... заплакал вместе со мной. Он прижимался ко мне, гладил меня по голове и сквозь слезы повторял: «Мамочка, не плачь, мамочка, милая...». Он жалел меня! И он понимал мое состояние!

Именно с этого момента мы стали родными.

А вскоре, буквально через несколько дней, я проснулась ночью от того, что Алешка стоял у изголовья дивана, плакал и тихо звал меня: «Мамочка...». Я проснулась, повернула голову – рядом никого не было. Встала, подошла к его кровати, и в этот миг он заплакал во сне. Как оказалось, он заболел. И я почувствовала, что ему стало плохо за мгновение до того, как он среагировал на высокую температуру сам. У меня появилась с ним связь на уровне подсознания, - как у всех матерей со своими детьми!

Мама-сирота

В нашей стране надо быть алкоголиком или лентяем, чтобы тебе помогали. Работники органов социальной защиты будут ужасаться грязи и нищете в доме горе-родителей, будут осуждать их за тунеядство, но выпишут, - а куда им деться! – материальную помощь, «потому что дети раздеты и голодают». Купят ли на эти деньги ребенку хоть пару яблок, - вопрос риторический. Чеков и отчетов, на что потрачены деньги, при выдаче материальной помощи не требуют, что весьма удобно для пьющих мамаш. Те же самые алкоголички исправно рожают и бросают детей, но так же исправно получают пособие по родам и детские. Никого не интересует, что детям из этих денег ничего не достается. Никого не волнует, что затраты на содержание сирот (при живых родителях!) в Доме ребенка, детском доме, приюте на порядок, нет – на несколько порядков выше, чем жалкое пособие на ребенка, которое к тому же либо не выплачивают по несколько лет, либо перестают платить, едва доходы семьи достигают прожиточного минимума.

Задолженность по детским пособиям государство не выплачивает мне вот уже несколько лет. Эту тысячу с небольшим давно «съела» инфляция (цены с тех пор выросли в несколько раз), но о погашении долга – ни слуху, ни духу. При этом, едва Алешке исполнилось 16 лет, пособие мне платить перестали, хотя он еще учится, и его учебу я оплачиваю. Но поскольку

наши с ним доходы превышают прожиточный минимум, пособие не положено. «Равнение» на прожиточный минимум – это «песня»! Даже если ваши доходы превысят его на рубль, «помощь» государства вам отменят! А как на этот минимум вырастить парня? В пятнадцать лет у Алешки была лапа 45 размера, в шестнадцать – рост 180. Поступить на бесплатное обучение с нашим русским – нереально, путь один – платное образование. А как быть с аппетитом? В детстве я звала Алешку крокодилом, причем обычно употребляла это слово только с прилагательным «прожорливый». Лет в четырнадцать констатировала: «Гусеница ты моя». «Почему – гусеница?», - удивился сын, привыкший быть крокодилом прожорливым. «А потому, - сказала я. – Крокодила накормишь, и он лежит, переваривает. А гусеница сметает все на своем пути. Вот ты и ползаешь между комнатой и кухней – туда-сюда, туда-сюда».

В подобной ситуации находятся многие матери. И мне не понять логики государства, отвернувшегося, по большому счету, от проблем семьи и вбухивающего сумасшедшие деньги в приюты, детские дома, Дома ребенка. Женщина, существующая с детьми на мизерную зарплату, не спящая ночами от мыслей, как их накормить, одеть-обуть, как объяснить, почему кто-то может лакомиться дорогими шоколадными конфетами, а им не достается даже карамелек, так вот – эта женщина вполне может сломаться и спиться. Собственно, и пьют в большинстве своем именно слабые, добрые, безвольные. Не всем по силам «пахать» на картофельном участке, мыть по ночам подъезды, чтобы подработать. Да и не хватает на всех работы по совместительству. Когда же беда выходит из берегов, и дети оказываются в отчаянном положении, государство тут как тут. Лишить родительских прав? Пожалуйста. Детей – в детдом? Рады стараться. Бегут из детдома? А мы рейд проведем, за выловленных беспризорников отчитаемся...

Иногда мне кажется, что огромная государственная машина специально перемалывает в своих жерновах людей, - чтобы обеспечить занятие многомиллионной армии чиновников. Кто только не занимается детьми! Органы опеки и попечительства, органы образования, здравоохранения, милиция, администрации. И все получают зарплату, кабинеты, создают всевозможные фонды, просят пожертвований. Не проще ли было все эти силы и средства кинуть на помощь семье? Если помогать растить, учить, лечить, отправлять на отдых детей нормальным семьям, то это обойдется гораздо дешевле. Сейчас детское пособие равно 76 рублям. Когда у спившейся от нищеты матери забирают детей и отдают их, скажем, опекунам, то платят уже 2,5 тысячи опекунских. В детском доме содержание ребенка обходится и того дороже. Почему, объясните мне, почему нельзя платить эти деньги семьям?! Пусть не тысячи, но несколько сотен рублей на ребенка – это все равно меньше, и не только в денежном измерении. Домашний ребенок – потенциально не опасен для общества, лишенный семьи – кандидат в беспризорники, преступники, бродяги. «Раздача слонов» - устройство брошенных детей в семейные детские дома, патронатные и приемные семьи, под опеку и попечительство – это последствия наплевательского отношения общества к проблемам семьи с детьми. Не устранив причину, мы никогда не получим результата.

Даже о бомжах государство заботится больше, чем о детях. Недавно прочитала, что на их питание в центрах временного размещения выделяется по 50 рублей ежедневно. Об этом с возмущением написала в газету мама 11-летней девочки, которая вместе с дочерью вынуждена питаться на тысячу рублей в месяц. В день получается 30 рублей на двоих. Всего скорее, зарплата этой женщины чуть-чуть превысила тот самый минимум, поэтому ни субсидий, ни детских этой семье не положено. Только вот счет этот весьма извилистый! Прожиточный минимум рассчитывают в так называемых «грязных» деньгах, и только потом из этой суммы вычитают подходящий. Потом из того, что останется после вычетов, оплачиваются коммунальные услуги, покупается школьный проездной, стиральный порошок, мыло... Что остается на питание – подсчитать нетрудно. Поэтому и говорю: легче стать бомжем...

Впрочем, лично я навсегда зареклась просить помощи даже в тех органах власти, что и созданы именно для работы с семьями, имеющими детей. Произошло это после весьма показательного случая. Алешка жил со мной уже второй месяц и второй раз за это время болел, причем очень тяжело: температура под 40, галлюцинации... И как раз в это время в

районном отделении соцзащиты начали выдавать гуманитарную помощь. Навестить нас зашла моя знакомая, тоже одинокая мать, она-то и сказала, что пришла гуманитарка, причем очень хорошая – там есть соки и сгущенное молоко – роскошь по тем временам тотального дефицита. Оставив Алешку на соседку, помчалась в собес. Знаете, что я услышала, когда сказала, что опоздала из-за болезни ребенка? «Что-то вы не похожи на одинокую мать, – высокомерно-подозрительно смерил меня взглядом молодой человек, явно прибившийся к власти из райкома комсомола. – Вовремя надо было приходить. Привыкли детьми прикрываться».

С тех пор никогда, ни при каких обстоятельствах, я не обращалась за помощью.

Поэтому повторю снова и снова: если приемного ребенка берет одинокая женщина, ей изначально стоит полагаться только на себя. Проверено на собственном опыте. Ваши родные могут отнестись к подобному шагу насторожено – равнодушно, и вы не получите даже поздравлений, коими осыпают обычно счастливых мам в случае рождения сына или дочери. Коллеги тоже могут проигнорировать столь важный для вас момент. Мне, правда, повезло – большинство моих сослуживцев уже давно перешло в разряд друзей, но это лишь потому, что наш коллектив был достаточно уникален. Нам, например, сразу же купили велосипед для Алешки, сама бы я ни за что не наскребла денег. Подруги натаскали футболок, колготок, несли пусть и ношенные, но в отличном состоянии куртки, шубы, сапоги. Это было существенным подспорьем, потому что Алешка рос очень быстро «на вольных хлебах». К тому же нужны были вещи для улицы – редкий ребенок, гуляя, пропустит лужу, не упадет в грязь. А зимой, барахтаясь в сугробах, катаясь с горок, Алешка промокал до трусов – в пору было его самого класть на батарею сушиться. С единственным пальто я бы прочно стояла перед выбором: либо идти сегодня гулять, либо завтра не вести в сад.

Но не будешь же просить помощи у друзей постоянно. Да и у каждого из них – свои проблемы. И потом, ладно, когда дети маленькие, можно донашивать чужие вещи. Но в десять лет мальчишка не оденет девчоночью футболку, в двенадцать откажется от девчоночьих же сапог, да и куртки, ветровки, брюки лет с шести девочки и мальчики носят разные (до этого мальчишку вполне можно нарядить в девчоночью куртку, он и не заметит, что застежка у одежды – на другой стороне). Вместо колготок школьнику нужны носки, а они у всех наших знакомых мальчишек почему-то изнашивались до дыр. Рубашки все как один продирали на локтях. Когда нам их отдавали, я обрезала рукава, делая вполне пригодными для лета, но потом все равно пришлось начать покупать новые – в школу вести ребенка в рубашке с обтрепанными манжетами на рукавах или обстиранным воротничком было стыдно. Но с каким же трудом я находила деньги на все эти покупки!

Может быть, я излишне драматизирую ситуацию из-за того, что появление Алешки в моем доме совпало с диким ростом цен в начале 90-х. Зарплата тогда стала чисто символической, а сбережений у меня и не было никогда. Помню, как однажды Алешка буквально вцепился руками в прилавок и требовал: «Купи колбаски!». На мои отговорки типа «она невкусная», он чуть не рыдал: «Вкусная! Вкусная! Пахнет вкусно!». Я покупала ее по 100-150 граммов, и если это случалось в выходной, Алешка встречал меня радостными воплями на пороге: «Колбаску купила!». «Как ты догадался?», – удивилась я в первый раз. «По запаху», – объяснил он.

Кто-то из наших сатириков сказал, что уровень благосостояния народа надо измерять не в рублях, а в колбасе. В каждой шутке есть доля правды. Вполне возможно, что сейчас одиноким мамам не придется так трудно, как мне. Но все-таки соизмерить свои силы нелишне. Ваша «любовная лодка» вполне может разбиться о быт, и пострадает в первую очередь ребенок, ответственность за судьбу которого вы взвалили на себя.

Впрочем, нет, вряд ли я излишне драматизирую ситуацию. В последнее время внимательно следила за публикациями, посвященными проблемам усыновления, развития детских домов семейного типа, борьбы с беспризорностью. Авторы многих из них – директора детских домов и Домов ребенка, социологи, сотрудники профильных министерств, политики, занимающиеся этими проблемами, – делают примерно одни и те же выводы.

Огромное количество брошенных или сбежавших из дома, от невыносимых условий, детей с изломанными судьбами, - это самая настоящая гуманитарная катастрофа нашего общества. Главное право ребенка – право на семью – государство не защищает. Передача детей в приемные семьи, под опеку – реальная возможность преломить ситуацию. Но программы государственной поддержки и поощрения усыновления нет, как нет и никакой разъяснительной, пропагандистской работы в этом направлении. В европейских государствах даже в самые страшные годы – после войны – не распахивали детей по приютам, а устраивали в семьи, всячески пропагандируя такой выход как акт милосердия и благородства, истинно христианский поступок. У нас – ни морали, ни веры, ни государственной политики. У нас – детские дома и приюты. Их число не сокращается, а, наоборот, растет. И это при том, что в стране много одиноких женщин, при том, что 10-15 процентов супружеских пар бесплодны.

Согласна: изменить сознание общества, перевести факт усыновления из разряда чего-то постыдного, основанного на некоем мифическом расчете в разряд доброго, бескорыстного поступка, совершенного ради спасения чьей-то судьбы и души, - дело не простое. Порядок усыновления претерпевает изменения, а целенаправленную работу по пропаганде усыновления, поиску приемных родителей так никто и не ведет. Вот если бы те же социальные работники в органах опеки получали свою зарплату в зависимости от количества усыновлений, тогда, может, и результат был другой.

С ужасом вспоминаю первые годы. Никаких пособий по родам (если берешь ребенка старше трех месяцев) приемным родителям не выдают – выдают голого ребенка. Логика государства и в этом случае невозможно понять. Считается, что единовременное пособие по родам необходимо родителям для приобретения самого необходимого: кровати, коляски, детского одеяльца и постельного белья. А разве, взяв ребенка в детском доме, ему не надо покупать кровать, постельные принадлежности, игрушки, одежду и обувь? Надо. И обходится это еще дороже, чем для новорожденного. С одеждой и обувью вообще куча проблем. Помню, только одела-обула Алешку, а он за зиму вырос сразу на два размера. Снова влезла в долги, одела, вздохнула с облегчением, надеясь, что до следующего года идти в магазин не придется, а он за лето перескочил через два размера. Брюки – до щиколоток, из шубы руки торчат чуть не до локтя, сапоги не лезут... Пришлось покупать всю одежду заново. Три года так и меняла его гардероб дважды в год. После казенной пищи и ограниченности движений, в три года выглядевший двухгодовалым, Алешка рос не по дням, а по часам. У нас не было денег на мясо и рыбу, фрукты я выбирала самые дешевые – это были яблоки... Зато покупали мы их ведрами! И ел ребенок не по часам, а когда хотел (хотел же он постоянно), много бегал, купался, катался на велосипеде. В пять лет Алешка не только догнал сверстников, но и перегнал их – у него была крепенькая, «мужицкая», как я говорила, фигурка, тяжелая рука (если, играя, он шлепал меня – было больно), крепкие ноги.

Кто-то ругает советские времена, а я вспоминаю с благодарностью, как выдавали летом специальную помощь в виде одного лишнего детского пособия – на подготовку ребенка к школе. Именно на эти деньги я покупала ранцы и спортивную форму, сменную обувь, брюки. Теперь этого нет, и каждый год в конце лета приходится влезать в долги. По этой причине я уже давно не делаю запасов на зиму. Приходится выбирать между вареньем и джинсами, протертой черникой, так полезной для глаз, и спортивным костюмом, сушеной малиной, необходимой при простудах, и сменной обувью. Ну, почему наше государство так равнодушно к детям!?

Рассказываю все это не для того, чтобы вызвать жалость, а для того, чтобы каждый мог соразмерить свои силы и финансовые возможности. Когда я усыновляла Алешку, у меня была очень приличная по тем временам зарплата. Кто бы мог предположить, что в 91-ом и 92-ом зарплаты полетят вниз, а цены – вверх, что перестанут платить детские, да и обесценятся они на фоне стоимости продуктов, одежды, обуви моментально. Нет моей вины в том, что сын слишком часто слышал от меня отказы: «Денег нет», что я не могла купить ему хорошую, - но, увы, слишком дорогую - игрушку, что до десятого класса он ходил в секонд-хэнде. Но

когда мне кто-либо сочувствовал: «Знала, что так тяжело будет, наверное, не взяла бы?», я всегда отвечала, что поступила бы точно так же, как поступила. И это святая правда.

Думайте сами, решайте сами – иметь или не иметь

Все последние годы постоянно работаю на двух-трех работах. Это значит, у меня практически нет свободных вечеров и выходных. Я очень устала, но отказаться от совместительства не хватает духу. Чем старше сын, тем больше расходов. А ведь еще года три-четыре назад мне казалось, что осталось потерпеть совсем чуть-чуть. Он перестал расти, но обуви по-прежнему хватает максимум на сезон. Плата за колледж оказалась выше, чем школьные поборы. Исправление прикуса – операция по медицинским показаниям, но бесплатно сделать ее невозможно. В общем, не одно, так другое...

Хорошо, если у вас самих есть родители, и они согласны помогать вам растить ребенка. А если нет? Поэтому лучше изначально выбрать ту форму воспитания ребенка в семье, которая подойдет вам больше всего. Сейчас такая возможность есть. Законодательство в отношении детей, оставшихся без родителей, в последние годы значительно расширилось, многие нормы приведены в соответствие с требованием времени. И теперь перед теми, кто хочет взять в семью приемного ребенка, стоит гораздо меньше преград. Более того, можно выбрать форму, по которой новой семье положены деньги. При опеке и попечительстве выплачивают деньги на содержание ребенка (а плюс к ним – детские пособия), при патронатном воспитании и создании семейного детского дома родители получают ставки воспитателей, а на детей (опять-таки помимо «детских») выплачиваются определенные суммы – на питание, одежду, школьные принадлежности.

В финансовом отношении приемные родители, в том числе и приобретающие статус одинокой матери женщины, взявшие приемного ребенка не будучи замужем, – самые бесправные люди. И тем не менее я никогда не думала о том, чтобы оформить опеку или попечительство. Изначально хотела стать именно матерью для приемного ребенка. Да и не все формы воспитания детей-сирот существовали в 80-х. Но даже если бы у меня была такая возможность, меньше всего я задумалась бы о финансовой стороне. Мой жизненный опыт позволяет утверждать: не все можно измерить деньгами. Купить, кстати, тоже. Мне даже кажется, что чем богаче человек, тем он более одинок. В его жизни меньше искренних симпатий и отношений, он не может поручиться, что любят именно его, а не его деньги. За деньги не купишь здоровье, душевное равновесие, счастье тех, кого любишь. С деньгами комфортнее, с ними можно решить массу проблем, можно жить независимее и интереснее. Но по большому счету, человеку надо совсем немного. А та же дорогая одежда или дорогие украшения (дорогие машины и часы у мужчин) скорее – дань правилам поведения определенного круга людей, тоскливая зависимость от этих условностей, нередко к тому же – и единственный способ самоутвердиться, что-то доказать окружающим. Не зря ведь почти все великие люди, состоявшиеся на все сто, столь мало внимания уделяли своему гардеробу, были непривередливы в еде, равнодушны к роскоши.

Но это – так, лирическое отступление. Суть же в том, что жадный, эгоистичный, привыкший к комфорту человек вряд ли будет думать о том, что хочет сделать счастливым маленького человечка, хочет заботиться о нем, вести его по жизни. Те, кто станет расчетливо взвешивать все «за» и «против», тоже вряд ли решатся на такой шаг. Речь – о людях, которые хотят стать родителями, опекунами, воспитателями сирот, но не могут позволить себе это из-за отсутствия денег. Бабушка, назначенная опекуном собственного внука, вряд ли вырастит его на одну только пенсию по старости, поэтому выплата на содержание ребенка ей будет очень кстати. Патронатная семья или взрослые из семейного детского дома, получающие зарплату за воспитание сирот, тоже не ищут выгоды – они работают, и детям с ними куда лучше, чем, скажем, в детском доме. Говоря о том, что не все можно измерить деньгами, я имею в виду семьи, решающие непростой вопрос: брать ли приемного ребенка и как лучше поступить.

Да, оформить опеку или попечительство выгоднее - с материальной точки зрения. Но духовно, морально (не знаю, как сказать точнее) этот путь наиболее зыбок - в плане душевности, доверия, любви ребенка к вам и вашей любви к ребенку. Есть что-то формальное, отчасти - чиновничье в таком варианте. Рано или поздно у ребенка возникнет вопрос: почему я не стал вам сыном (дочерью), что помешало сделать меня именно ребенком, а не объектом воспитания, правовой ответственности перед государством? По большому счету, за Алешку я ответственна только перед Богом. Опекунов, попечителей, по существующему положению, должны проверять, детей опрашивают на предмет того, хорошо ли им живется с ними. В принципе, проверить могут и приемных родителей, но очень деликатно, - если государство никак не помогает, то попробуй, влезь со своим контролем. Но, повторю, дело не в проверках, не в деньгах, а именно в том, как вы хотите строить свои отношения с ребенком. То, что в семейных детских домах воспитателей, считающихся родителями, дети называют мамой и папой, еще ни о чем не говорит. Они, поверьте, все равно осознают казенность своего положения. Особенно если рядом растут и родные дети. Им лучше, чем в детском доме, но хуже, чем в доме родном. В том, где не надо жить коммуной и делить свою любовь еще с 10-15 детьми, где можно быть самым любимым, единственным. Пусть будут разные формы воспитания в семье для оставленных родителями детей, но я считаю, что приемная – наиболее близка к обычной. По накалу любви, душевной близости и значимости друг для друга. По самоощущению в ней ребенка. По возможностям помочь ему преодолеть свои страхи и тревоги. Справиться с чувством вины за то, что его отвергла та, что выносила и родила.

Многие специалисты, занимающиеся проблемами возвращения детей в семьи, также убеждены, что не опекунов, не патронатная или приемная семья, а именно усыновление – самое благое, а в результате – и неотличимое от кровной связи с ребенком. Но и самое сложное. Сколько в этом вопросе заблуждений! Я и сама не избежала их. Решила, например, что буду брать девочку, хотя больше хотелось мальчика. Главному специалисту управления образования – надменной холеной даме – объяснила, что замуж не собираюсь, а воспитывать мальчика без мужчины в доме... Нет, женское воспитание лучше подойдет девочке. Дама неожиданно потеряла всякую надменность и сказала голосом немолодой, умудренной жизнью женщины: «Поверьте моему опыту. Мальчики больше привязываются к матерям. Если бы у вас был муж, то – да, девочка подошла бы вам лучше. Но вам будет легче с мальчиком». Почти слово в слово повторила это и главный врач Дома ребенка, добавив, что знает сколько угодно примеров, когда папа в семье – что есть, что нет, а в иных семьях и вообще – лучше бы его не было. И что? Растут же в таких семьях сыновья.

Директора детских домов и главные врачи Домов ребенка подтвердят: большинство усыновителей хотят взять именно маленькую девочку. Между тем, миф о том, что из брошенного ребенка непременно вырастет бандит или алкоголик, не имеет под собой никакой почвы. И психологи, и педагоги убеждают потенциальных родителей: мужская психика даже более податлива, мальчики быстрее принимают сложившиеся в данном коллективе (той же семье) правила поведения, они открытее и искреннее. Заблуждаются и те, кто считает, что чем младше ребенок, тем лучше. У старших есть важный плюс: генное «наследство» уже проявилось, личностные особенности – тоже. Маленький ребенок – кот в мешке, у него все вылезает как раз лет в шесть-семь. Малышей стремятся брать из-за нелепых опасений того, что взрослый ребенок навсегда останется в доме чужим. Это абсолютно не так! И в пять, и в восемь, и в десять лет ребенок готов ответить любовью на любовь своих новых родителей, принять как подарок судьбы обретение дома. Детская психика более подвижна, чем взрослая, и защитных механизмов в ней больше. Ребенку без семьи – трудно, одиноко, опасно. Инстинкт самосохранения срабатывает, едва у него появляется возможность оказаться под защитой взрослых. И в 8-10 лет ребенок многое уже понимает, осознает, поэтому, в отличие от малыша, он будет проявлять большую готовность понравиться вам, стать нужным, завоевать вашу любовь. Завоевать его признательность – не сложно. Гораздо сложнее понять нам, взрослым, что именно ребенок – и есть наша самая большая удача, самая большая ценность в нашей жизни.

Когда я решала для себя брать ребенка или нет, я меньше всего думала (а если честно – не думала вовсе) о том, как оценят мое решение окружающие. Казалось бы, время оценок давно прошло, Алешка воспринимается всеми как данность, но вот совсем недавно одна из моих подруг сказала: «Как все же правильно ты поступила. Посмотри, что стало с Татьяной...».

С Татьяной мы проработали вместе много лет. Умная, образованная, интеллигентная, к тому же – красавица. Но замуж она не шла, вообще игнорировала все ухаживания. Мы знали лишь то, что в ранней юности она пережила личную драму, но в ее подробности не посвящала никого. Жила Татьяна вдвоем с младшей сестрой – в двух комнатах коммунальной квартиры. Комнаты отделяла от общей прихожей тяжелая дверь и их собственная маленькая прихожая. Получалось что-то вроде отдельной квартиры в квартире. Но Татьяну ее коммунальный быт убивал, и она была против того, чтобы младшая сестра родила, хотя у той не складывалось с замужеством, несмотря на роман, который тянулся несколько лет. Мы, друзья семьи, то есть подруги и коллеги, считали, что родить – лучший вариант. Вдвоем бы воспитали, все легче, чем в одиночку. «Горячей воды нет, кухня общая», – возмущенно прекращала подобные разговоры Татьяна. А на общей кухне, тем временем, постоянно сохли пеленки и ползунки – обитатели квартиры выходили замуж, женились, рожали детей, разводились...

Татьяне сейчас за пятьдесят. Она махнула рукой на внешность, даже не подкрашивает волосы, чтобы скрыть седину, и потому выглядит старше своих лет. На работе отношение к ней сложное. Ее ценят за компетентность и профессионализм, но едва терпят за занудство и излишнюю педантичность. С возрастом она стала эгоистичнее, как и все, кто привык жить для себя. Заботиться ей не о ком: мама умерла, сестра лет десять назад ушла в монастырь.

«Лучше бы родила», – этот вывод нередко звучит в наших разговорах, когда кто-нибудь вспоминает Татьяну, передает от нее приветы и скудные новости о ее житье-бытье. В наших компаниях она теперь бывает очень редко. Не потому, что кто-то против этого. Она перестала ходить в гости сама, словно отгородилась от мира стеной, пусть и не видимой, как монастырская стена, за которой укрылась ее сестра.

Вы можете сказать себе, что – да, растить ребенка будет трудно. Что у вас нет ни особых накоплений, ни перспективы получить хорошо оплачиваемую работу. Что после появления в вашем доме ребенка, вам, возможно, придется отказаться от поездок в отпуск, покупок новых вещей и обнов. Но спросите после этого сами себя: аргумент о финансовых проблемах – основной, именно от него зависит, брать ли вам на воспитание ребенка или остаться бездетной? Если именно материальная сторона для вас является наиболее важной, то не стоит сыр-бор городить. Живите спокойно, заботьтесь о себе. Вы просто не готовы к тому, чтобы стать матерью или опекуном. Не зря ведь говорится, что тот, кто хочет действовать – ищет возможности, а тот, кто не хочет, – ищет причины. Причина – в вас самих. Помните об этом всегда, чтобы лет через двадцать не жалеть себя за одиночество и не плакать по этому поводу на пустой кухне, не жаловаться соседям на то, что вы никому не нужны, не размышлять мучительно о том, что может быть все могло бы быть по другому... Я – фаталист и верю в судьбу, но также верю и в то, что свою судьбу мы строим сами, определяем свое завтра тем, что делаем (или не делаем!) сегодня. Мне просто страшно подумать, что Алешки могло не быть в моей жизни, что все эти годы я прожила бы без его любви, его веры в меня, его необходимости во мне.

О том, какое это счастье – быть матерью, знает любая мать. Сколько моих знакомых, получающих не самую высокую зарплату, считают себя счастливыми и искренне верят, что их жизнь удалась, только благодаря тому, что в семье есть дети! Это мироощущение никак не зависит от уровня материального благосостояния. Можно довольствоваться протертой морковкой, нисколько не комплексуя по поводу того, что на апельсины или киви денег нет. В конце концов, от моркови диатез бывает крайне редко, а от цитрусовых – сколько угодно. А киви – это всего лишь большая крыжовина, летом можно наесться досыта. Вы одеваете ребенка в сэконд хэнде? Никому не говорите, никто и знать не будет. Какую обнову на малыша не одень, через несколько дней она перестает быть новой. Обидно, что и себе не можете позволить ничего нового? И что? Родные и друзья любят вас отнюдь не за

разнообразие гардероба, а для ребенка мама – всегда самая красивая на свете. Помню, однажды смотрела по телевизору репортаж с конкурса красавиц мира. Алешка играл на полу и, как оказалось, тоже следил за конкурсом. Потом неожиданно сказал: «А ты почему туда не поехала?». Честно говоря, я растерялась и не сразу нашлась, что ответить: «Алеша! Ты посмотри, какие они молодые и красивые». «Ты самая красивая», – убежденно ответил сын. Это я-то! Пятьдесят...(не скажу какого) размера, старше этих девочек как минимум лет на пятнадцать? Но – устами младенца глаголет истина. Алешка считал меня (и ведь до сих пор считает!) самой умной и красивой. Это – не наивное заблуждение. Самый лучший для нас тот, кого мы любим. Не зря же и поговорка сложилась как раз по этому поводу: любовь слепа.

Но вернемся к нашим баранам. В том смысле, что, сосчитав, словно этих самых баранов, свои возможные убытки, не забудьте задаться вопросом: а что я приобрету? Что принесет в мою судьбу ребенок, которого я хочу вырастить и воспитать? Ради чего я поступлюсь своим покоем и благополучием? Думаю, на этот вопрос я уже ответила. Ребенок сделает вашу жизнь значимой и насыщенной, интересной и трудной, полноценной и счастливой. Разве не затем мы приходим в этот мир, чтобы оставить после себя след? Те самые дерево, дом и ребенок – это продление нас через заботу об окружающем мире (пусть не яблоня, но уссурийский тигр, на спасение которого вы пожертвовали, или лебедь, которого вы спасли на замерзшем пруду, или поле ромашек, которое вы сохранили, не сумев заставить себя вскопать на нем грядки – живая природа так разнообразна), через создание чего-то рукотворного (это может быть не дом, а картина, станок, хрустальная ваза – любое из того, чему мы научились и сделали за свою жизнь), через сохранение духовного (то, что мы заложили в своего ребенка и с чем он пойдет по жизни и передаст своим детям).

Спросите себя: кто я и что я в этом мире? И после этого вы будете точно знать, хотите ли вы вырастить ребенка.

Люби меня, как я тебя

Я столько сил и любви вложила в Алешку, что было бы глупо утверждать, будто не ждала от него взамен ничего. Конечно, ждала! Ответной любви и привязанности, заботливости, доверия, послушания...

Начну с послушания. Особой дисциплины в нашем доме нет. И не потому, что я не смогла «выдрессировать» своего ребенка. Просто я всегда считала, что мужчин надо держать на длинном поводке. К тому же Алешка по гороскопу лев – натура независимая и самостоятельная. Поскольку сама я овен, и независимости во мне еще больше, чем в нем, знаю, что «ломать» его бесполезно: с ним можно договориться, можно давить на жалость или совесть, но заставить – это вряд ли. Но мне слепое повиновение и не нужно. Изначально хотела, чтобы сын вырос личностью – с собственным мнением, способный принимать решения, независимо от точки зрения большинства. «Минус» такого воспитания в том, что для него не существует авторитета взрослых. Он может советоваться и прислушиваться только к мнению тех взрослых, кого любит и уважает. Но, может, в наше время так и надо?

Очень мне в этом плане нравятся книги Донцовой. Ее система воспитания очень напоминает мою, к тому же речь идет тоже о приемных детях. Если кто-то считает, что в жизни подобных отношений между матерью и детьми не бывает, то очень ошибается. Наши отношения с Алешкой тоже больше похожи на приятельские. Он может обозвать меня (в шутку, конечно) клизмой – точно так же он называет своих друзей! Может прижать меня к себе и с высоты своих 180 см, словно с высоты прожитых лет, сказать снисходительно – ласково: «Дурындочка ты моя». Со стороны посмотреть на наши отношения, – ну, никакого уважения к матери! А на самом деле Алешка очень любит меня и, что, наверное, еще более важно, уважает как личность. Он считает меня высокопрофессиональной в своем деле, искренне верит, что я разбираюсь в очень многих вещах и многое знаю. Он может посоветоваться со мной в сложной для него ситуации, рассказать об отношениях с друзьями, одноклассниками, учителями. Он старается следовать моим рекомендациям, позволяет подбирать свой гардероб, не делает того, против чего я категорически против. Конечно,

иногда меня выводит из себя его упрямство или излишняя самостоятельность. Но потом я говорю себе: может, это и не упрямство, а настойчивость? Умение отстаивать свою точку зрения? Твердость характера? Что же касается самостоятельности, то это качество можно только приветствовать. И именно оно, кстати, очень здорово помогло нам в сложнейшей ситуации.

Свою самостоятельность мой ребенок стал проявлять совсем в раннем возрасте. Однажды я на несколько дней уехала в командировку. Звоню из Москвы, спрашиваю у бабушки, все ли у них в порядке. А она чуть не рыдает в трубку: все, больше никогда не буду с ним сидеть! Что же произошло? Они собрались в магазин за хлебом. Бабушка одела Алешку и выпустила на лестничную площадку, чтобы он не вспотел, пока она сама будет одеваться (дело было зимой). Алешка же решил бабушке помочь и купить хлеба, поскольку в ту зиму с ним как раз были перебои. То ли черный, то ли белый хлеб продавали ограниченное количество в одни руки, именно поэтому бабушка и шла в магазин с ним, а не оставляла дома. До магазина надо идти минут пятнадцать, но ребенок не заблудился, пришел, зашел в хлебный отдел, взял буханку черного и батон, сказав кассиру, что бабушка придет и заплатит. Кассир его знала – он часто приходил сюда вместе с моей мамой. Это был не супермаркет, а маленький, окраинный магазинчик – с покупателями не только здоровались, но и называли по именам. Алешку свободно выпустили, он увидел знакомую бабушку из соседнего дома, не растерялся – попросил ее положить хлеб в свою сумку. «А мне бабушка не дала сумку и деньги», – объяснил он свою просьбу.

Наша бабушка тем временем обежала все этажи и подъезды своего и соседнего дома, побегала в панике по улице, а потом стала звонить в милицию: пропал ребенок. Милиционеры и Алешка вошли в квартиру одновременно. «Где вы его нашли?», – всплеснула руками бабушка. «Нигде», – совершенно искренне ответили они. «Ты где был?», – повернулись милиционеры к Алешке. «За хлебом ходил, – сказал внук. – Бабушка, я хлебушка купил, ты говорила, что я долго одеваюсь и нам не достанется».

В девятом классе, купив на сэкономленные «карманные» деньги краску, шпатлевку и олифу, ребенок отремонтировал кухню, покрасив не только стены, но и окно, дверь, батарею, трубы в ванной комнате. Меня он поставил перед фактом, уже придя из магазина с материалами для ремонта. Делал все сам, помощи не просил.

Готовить тоже начал рано. Уже в первом классе мог вскипятить чайник и заварить чай, сварить пельмени, пожарить яичницу. Я пропадала на работе, зарабатывая нам деньги на более-менее сносное существование. Частенько Алешка с удовольствием ходил по делам вместе со мной, любил он и засиживаться со мной на работе по вечерам. Со второго класса уже не я, а он ждал меня с ужином – жарил или отваривал картошку, делал салаты, подогревал то, что я успела приготовить накануне. Если меня не было дома, а к нам заглядывали гости, он обязательно угощал их чаем или кофе, делал бутерброды, выкладывал варенье.

С пяти лет обязанность пылесосить комнату «официально» была закреплена за сыном. Мы как раз купили новый пылесос, потому что старый сломался, и я боялась к нему подступиться. Алешка же управлялся с техникой на удивление легко. Именно он разобрался с инструкцией по пользованию кухонным комбайном, который стоял у нас практически без дела, так как у меня не хватало ума менять насадки и переключать скоростные режимы. Это случилось классе в третьем, и с тех пор натереть овощи, замесить тесто, сделать фарш не составляло труда. Нет, не для меня – для Алешки. Именно он научился печь блины и печенье, я в этом плане – полная бестолочь. Еще ему очень нравится строгать на комбайне картофель, но жарить его на сильном огне в подсолнечном масле – уже моя обязанность.

Вообще же особенного разделения обязанностей у нас нет. Кто успевает, тот и делает. Алешка класса с третьего ходит в магазин, убирается, готовит, моет посуду, чистит раковины и газовую плиту. Лестничную площадку моет класса с седьмого – меня в это время мучил остеохондроз, нагибаться было трудно, доходило до того, что и обувал меня сын – застегивал молнии на сапогах. В это же время он начал мыть и окна. Попросила его сделать это только в

первый раз, потом каждую весну он выбирал день, когда меня не было дома до вечера, и мыл стекла даже вопреки моим запретам. Говорила, что рано еще окна открывать, холодно, может простудиться. Бесполезно. Приходила домой и видела его довольно улыбающуюся физиономию: «Ну, как?».

Вообще, он у меня умница. «Мусик, я сам!» или «Что я, маленький, не сумею?» - любимые аргументы. Конечно, что-то и заставлять приходится, но чаще всего он делает все по собственной инициативе, понимая, что я устаю, не успеваю следить за домом. Я и не скрываю этого: «Алешка, я деньги зарабатываю, ты – за домом следишь». А он прекрасно понимает, что если я буду еще и дома рваться, надолго меня не хватит. Все-таки больное сердце дает себя знать. Слава Богу, пока хватает сил на работу. Мне по-прежнему приходится браться за все, работать одновременно в нескольких местах. Утешаю себя тем, что многие и рады бы были, да такой возможности нет. Поэтому грех отказываться, когда предлагают приработок. Как говорит моя приятельница, скирдуем, где можем. А я добавляю: и пока можем.

Алешкина самостоятельность очень выручила нас, когда мне пришлось уехать в другой город.

Когда-то родителей, если они жили в однокомнатной квартире, ставили в очередь на улучшение жилищных условий, по достижении ребенком 9 лет. Когда Алешке исполнилось девять, очередей на квартиру по месту работы уже не существовало. Моя коллега и соседка всю жизнь прожила в трехкомнатной квартире весьма небольшой площади вместе с мужем и тремя детьми. В очереди на квартиру она стоит первая вот уже пятнадцать лет. Вырос и женился старший сын, окончил университет средний, дочь заканчивает школу. Понятно, что если дети не купят себе квартиры сами или не перейдут жить к новым родственникам после свадьбы, улучшение по части жилья этой семье не светит. А сколько таких семей по России? Никаких иллюзий относительно нас с Алешкой я поэтому не питала. Впрочем, до поры до времени вопрос и не стоял, скажем так, остро. Места вполне хватало и нам, и нашей кошке Дашке, и ее многочисленным котяткам, и даже рыбкам, которые то размножались, то погибали, но не все, а небольшими партиями, – и потому возможности избавиться от аквариума, занявшего мой письменный стол, у меня не было. Так вот, жили мы поживали, добра особого не наживали – места не было для него, но все нас устраивало. А потом как-то неожиданно Алешка вырос и в доме, кроме кошки и рыбок, завелись его друзья-подруги. Я мужественно уходила на кухню, когда к нему приходила толпа одноклассников, или быстренько бежала на работу, даже не пообедав как следует, шла в магазин, если дело случалось в выходной. Но скоро я стала уставать от этого. Иногда мне очень надо было побыть одной, подумать, собраться с мыслями, иногда просто хотелось отдохнуть в тишине, лежа на диване с газетой или книгой, я привыкла в выходной подолгу ходить по дому в халате, потому что так чисто психологически чувствовала себя расслабленной. Вечером, когда глаза слипались от усталости, Алешка хотел смотреть телевизор или до полуночи просиживал у компьютера. Потом он быстро и крепко засыпал, а я уже заснуть не могла – так часто бывает, когда перебьешь сон.

Становилось тесно и книгам, учебникам, не хватало места под обувь. Еще одна проблема – где делать уроки. Если я готовила, стол на кухне был занят, и Алешка сидел скрючившись над тетрадями у журнального столика. Иногда, наоборот, стол занимал Алешка с друзьями, а мне надо было срочно поработать. Случалось, выгоняла всех, потому что не могла сосредоточиться: компания в комнате, за стеной, мешала одним своим присутствием. В общем, когда мне предложили работу в другом городе, пообещав приличную зарплату и квартиру в рассрочку, я уехала. Алешке было всего пятнадцать. Так он снова остался один.

Я звонила, писала письма, передавала с оказией пакеты фруктов и сладостей, каждые полтора-два месяца приезжала домой, но все равно Алешка тосковал.

Наверное, он решил, что его снова оставили. И хотя он держался, не подавал вида, говорил: «Мамуля, я справлюсь», «Мусик, не волнуйся, у меня все хорошо», - тревожность, страх, растерянность прорывались и в интонациях, и в его состоянии. Он начал болеть. До

этого несколько лет мы не знали, что такое больничный, а тут одна за другой пошли простуды, грипп, пневмония, снова простуда, ангина, давление. Так продолжалось до лета, до тех пор, пока он не приехал на каникулы. Три месяца вместе. Алешка успокоился, даже стал сочувствовать мне. Я постоянно убеждала его, что мне здесь гораздо хуже, чем ему, он-то ведь остался дома. У него там есть бабушка, друзья, мои подруги, которые звонят, навешают, варят суп, приносят из аптеки таблетки и покупают фрукты, если он болеет. А я здесь одна-одинешенька, сиротинушка. Впрочем, так оно и было. Мне не хватало Алешки, друзей, родных – я была одна в чужом городе, чужом коллективе. Пусть мне писали, звонили, пусть я несколько раз в год ездила домой, но все равно было невыносимо одиноко и грустно. Алешка увидел это своими глазами и перестал накручивать себе, что я его оставила, уехала, разлюбила. После каникул он перестал болеть, отказался от помощи по варке супов и стирки – стал чувствовать себя вполне самостоятельным. И каждый раз, когда мы разговаривали по телефону, беспокоился обо мне: «Мусик! Как ты? Как мне тебя жалко. Ты береги себя», «Дурындочка моя, не волнуйся обо мне, себя береги, не болей...». Он стал мягче и ласковее, мы пережили его переходный возраст без особых потерь, а главное – мы не потеряли той близости и доверия, что была между нами. Даже наоборот. Разлука в чем-то помогла нам стать ближе, показала, как нужны мы друг другу и как плохо нам друг без друга. Нас хватило на полтора года, а потом Алешка сказал: «Мусик! Жили мы в одной комнате и все было нормально. Живут же целыми семьями в одной комнате всю жизнь, а нас всего двое. Никуда я отсюда не поеду, мне наш двор, наш дом, наша квартира нравятся, я других не хочу. Давай возвращайся. Сделаем ремонт, а потом, может, я сам квартиру куплю, когда работать буду».

Наверное, мы хотели заплатить за квартиру слишком высокую цену. Наша жизнь с Алешкой не стоила того. А, может, произошла своеобразная переоценка ценностей. И по этой шкале выходило, что главное – не где, а с кем. Вдвоем нам было лучше, чем порознь. А квартира? Что же, значит – не судьба.

Да, надо было расстаться, чтобы осознать, как мы нужны друг другу и как нам друг без друга плохо. Алешка писал мне такие чудесные слова в письмах.

«Мусик, привет! До ужаса обрадовал твой E-mail...Скучаю (кто наорет вечером, кто заставит мыть посуду?)...По случаю праздника вот тебе подарок, любимая Мусик:

С Днем рождения тебя поздравляю,
Счастья, радости, любви большой желаю,
Чтобы дело шло отлично, чтобы стало все привычным,
Чтобы елось и спалось, чтобы радостно жилось,
Чтобы нас не забывала,
Чтоб почаще улыбалась, не скучала никогда,
Все пройдет, ведь не беда, что мы с тобою расстаемся,
Что между нами города.
Я люблю тебя всегда!!!».

И подписывался он не иначе как «твой сын, законный, Алексей», «твой сын...», «Жду. Целую. Люблю».

Эти письма от Алешки, его трогательные наивные стихи к праздникам и дням рождения – самая большая моя награда в этой жизни. Когда мне кто-нибудь говорит: «Повезло ему с тобой», я обязательно поправляю: «Нет, это мне повезло». Как и любая мать, я считаю своего сына самым лучшим, но когда говорю о везении, имею в виду сам факт того, что у меня есть сын. Страшно подумать, что ничего этого в моей судьбе бы не было. Страшно представить, что все эти годы я жила бы одна. У меня есть любимое выражение, вычитанное в юности в какой-то книге: лучше сделать и жалеть, чем жалеть о том, что не сделал. Я понимаю его так: только сделав можно понять, хорошо это или плохо, а не сделав – не узнаешь этого никогда. И будешь всю жизнь жалеть об упущенной возможности, о несостоявшемся, не сбывшемся.

Все воздается?

Мы все, конечно, разные. Но русские женщины во всем мире ценятся не столько за красоту, сколько за свою душу. В отличие от прагматичных американок и европейек, мы более безрассудны в своих поступках и чаще поступаем не так, как подсказывает ум, а по велению сердца. Доброта, сострадательность заложены в нас на генном уровне, как говорится, это у нас в крови. Можно сослаться на массу исторических примеров великой любви, самоотверженности, самопожертвования русских женщин, но я позволю себе сослаться на мою бабушку – Анфису Михайловну. Это ее называл Алешка старенькой бабушкой. Умерла она, немного не дожив до своего 90-летия. Если бы меня попросили назвать главную черту ее характера, я не задумываясь ответила бы: доброта, бескорыстие. Я не помню, чтобы бабушка кого-то осудила, кому-то позавидовала. Она вообще удивительно относилась к окружающему миру, напрочь не замечая плохого и сама никому в жизни плохого не сделала. Она просто не способна была оболгать, разозлиться, обмануть, взять чужое... Это была высшая мудрость – жить в согласии с собой и окружающими. Причем, она не старалась жить так, это выходило как бы само собой, потому, наверное, что было присуще ей органично. Бабушка, в отличие от моей мамы, запаниковавшей, приняла появление Алешки как само собой разумеющееся. У нее даже мысли не возникло, что я не справлюсь, что мне будет слишком трудно стать хорошей матерью. Моя мама, не спавшая всю первую ночь (она встречала нас поздним вечером с поезда и осталась ночевать у нас), спросила в шесть утра: «Зачем ты это сделала?». Подразумевалось, что у меня нет здоровья, нет мужа, а на работе я пропадаю с утра до вечера. Бабушка – она вообще была удивительно деликатный человек – не спросила ничего, будто Алешка жил со мной давным-давно. Потом она, конечно, выпрашивала и про его родителей, и почему он оказался в Доме ребенка, кто из друзей помогал мне взять его в другом городе. Но расспрашивала из естественного в таких случаях любопытства, а вовсе не за тем, чтобы в чем-то убедить себя. Да и в чем бы ей себя убеждать?

Бабушка моя всю жизнь прожила в деревне, в город переехала на старость лет, да и то лишь после того, как сломала ногу. Ей больше всего не хотелось быть кому-то в тягость, даже родной дочери. Сама же всегда охотно помогала всем, потому-то даже с соседями у нее складывались теплые, почти родственные отношения. В войну, молодой еще, она, не задумываясь, взяла к себе детей родной сестры, которую убило молнией в поле. Мужья обеих к тому времени уже погибли на фронте, пятерых сирот должны были отправить кого куда: старших – в ремесленное, младших – в детдом. Бабушка и сама тянула пятерых, но у нее даже мысли не возникло отдать племянников на гособеспечение. Из пятерых детей выжило у бабушки двое – моя мама и ее старший брат, а племянники пережили войну благополучно. Роднились и роднятся до сих пор не как двоюродные, а как родные братья и сестры, бабушку навещали всегда, привозили гостинцы и подарки, звали то «баба Анфиса», то «мама Анфиса» и считали второй матерью. Им и надо-то было пережить полтора-два года, пока старшие не пойдут работать и не возьмут на себя заботу о младших. Но страшно подумать, что могло бы с ними стать, раскидай их судьба по разным городам – кого в училище, кого в детдом, причем, братьев и сестер могли определить в разные, смотрели в те годы не на кровное родство, а на количество мест для мальчиков и девочек, зависящее от наличия рядом завода или фабрики. На всю жизнь они сохранили благодарность к моей бабушке, не бросившей их в лихое военное время, не испугавшейся лишних ртов в трудные, голодные годы. Ели очистки, варили ботву, вместо чая заваривали свеклу, но не чувствовали себя сиротами, росли не обделенными любовью и теплом. И выросли нормальными людьми. У всех – семьи и дети, внуки и правнуки, кто-то из моих дядей и тетей успел даже построить дом и посадить дерево – какой же бывший деревенский не имеет сада-огорода. И, кстати, все они очень тепло отнеслись к переменам в моей жизни, бывая в гостях, непременно приговаривали: «Молодец. Правильно поступила».

Фразу о том, что все они выросли нормальными людьми, написала не просто так. Самое страшное последствие жизни в детском доме – неумение жить семьей. Разводы, брошенные дети, алкоголизм, преступность, склонность к суицидам... По мнению социологов и педагогов, бывшие сироты редко устраивают свою жизнь хорошо. Не потому, что они сами

плохие. Просто тот, кто вырос в отрыве от общества, от людей, от проблем повседневной жизни, кто не приспособлен к ней, тот теряется, ломается, пытается уйти в мир иллюзий при помощи водки или уйти, сбежать из этого мира вообще.

Сейчас много говорится о милосердии, и кому только не призывают помогать – от осужденных до наркоманов. Не слышала, чтобы призвали помогать сиротам и брошенным детям. Но разве усыновление, опекуновство, патронат – не акт помощи? Да, это гораздо более трудно, чем подать нищему или пожертвовать на создание ночлежки для бомжей. Приходится жертвовать не деньгами, а собственной душой, силами, временем, судьбой, наконец. Но зато вы и видите, как спасенный вами от одиночества и неустроенности ребенок растет, становится счастливым. Сделать счастливым кого-то – что может быть благороднее?

В жизни все воздается. Знаю как минимум две семьи, которые усыновили малышей после десяти лет супружества и окончательного вердикта врачей: детей не будет. Так вот, через год-другой они родили кровных детей! Говорят, такое случается часто. Видимо, родительские чувства, проснувшиеся после появления в доме ребенка, чудесным образом активизируют способность к деторождению. А может быть, Бог видит кому воздать...

Во мне, например, живет чувство, что кто-то ведет нас с Алешкой по жизни. Нам было очень трудно первые годы, денег не хватало даже на еду, куда уж мечтать об отпуске. Но Алешка болел, бронхит стал хроническим, так нужно было везти его к морю! И нам дали путевку. Достать их в те годы было уже невозможно, но секретарь нашего творческого союза вышел на Москву, и путевку выделили. На следующий год повезла Алешку в санаторий под Ташкентом. Он продолжал болеть едва ли не каждый месяц, и врачи сказали, что раз море не помогло, надо попробовать сухой воздух Азии. Узбекистан уже был почти суверенным государством, путевок оттуда не присылали давно. И снова чудо - командировка в Ташкент! Обком профсоюзов работников культуры переводит на сохранившейся пока еще счет Узбеккурорта деньги, выдает мне на руки, в нарушение всех правил, копию платежки, и я прилетаю из командировки уже с путевкой. Алешка летит бесплатно, путевка – за 10%, да и стоит она в несколько раз дешевле, чем в самый захудалый местный пансионат, так что у нас даже хватает денег на виноград, гранаты, дыни, которыми мы обедаем целый месяц. Не знаю, что помогло больше – сухой воздух или прекрасные фрукты, но болеть мы стали значительно реже, а когда на следующий год слетали в Узбекистан еще раз, простуды и вовсе отступили. Эта вторая поездка в Среднюю Азию тоже случилась вопреки всему. Подруга-узбечка договорилась со своей знакомой с соседнего предприятия, и нам выделили льготные путевки в их профилакторий, оформив на кого-то из рабочих. Билет на самолет оплатило одно из наших предприятий, которому я безвозмездно помогала примерно за год до того, причем, о помощи я не просила, директор предложил ее сам. Таким образом моих скудных отпускных хватило на фрукты, и Алешка вновь запасся витаминами на всю зиму.

Проблемы с отпуском решались аналогично каждое лето. Мы отдыхали в Сочи, Евпатории, Подмосковье, ездили на прекрасные турбазы средней полосы – на берегу озера или реки, а кроме того Алешка ездил отдыхать и без меня – в детские оздоровительные лагеря. Правда, все прошлое лето он работал, не удалось отдохнуть и мне. Очередное лето не за горами. Мне вновь не светит ничего – денег нет, но Алешку после выпускных экзаменов мечтаю отправить на природу. Придется занимать, но для меня главное, - чтобы он набрался сил. За два года без меня дитеныш умудрился докашляться до пневмонии и трижды переболеть гриппом, дважды отлежать в больнице (последний раз - с сотрясением мозга, увозили на «скорой» из школы), заработать подростковую гипертонию и, как мне кажется, хроническую усталость. Что ни говори, но нагрузок ему хватало. Параллельно с 10 и 11 классом он закончил первый курс колледжа, при этом самостоятельно вел домашнее хозяйство. Готовил, стирал, убирал. Не каждому взрослому такое по силам, но ребенок мой – умница! – выстоял. Такого мужества я от него не ожидала, потому что, уезжая, и предположить не могла, как тяжело ему придется.

С другой стороны, он не поехал со мной именно из-за учебы. Предложение мне поступило уже после того, как он сдал экзамены в колледж. Бросать не захотелось. Да и вряд ли он поступил бы куда-нибудь после 11 классов. С колледжем нам тоже повезло. Он создан

при школе, в которой открыли профильные классы. Идея проста: промежуточное образование – первый курс за время учебы в выпускных классах – дает возможность проверить свой выбор. Те, кто захочет, уже без экзаменов переходят на второй курс. Но самое главное, что после трех лет обучения в колледже можно без экзаменов поступить на четвертый курс института. Для нас – единственный шанс получить высшее образование. Русский язык Алешка не сдал даже при поступлении в колледж. Его зачислили кандидатом, но поскольку второй вступительный экзамен он сдал на 4 и успешно сдает все спецпредметы в течение этих двух лет, на второй курс мы должны перейти вполне благополучно. Но все это стало возможным только благодаря моей знакомой, которой я несколько лет назад помогала по роду своей работы. Помогала как и обычно, не задумываясь о благодарности или каком-либо вознаграждении с ее стороны. Это была моя работа. А вот поди ж ты, – аукнулось. Она сама предложила нам после девятилетки поступить в колледж, поскольку директор школы – ее сестра. Если бы не эти родственные связи, Алешку кандидатом вряд ли взяли. Будь моя воля, закрепила бы законодательно хотя бы минимальные льготы для усыновленных детей при поступлении в средние специальные и высшие учебные заведения. У сирот такие льготы есть, у детей, воспитывающихся под опекой, если не ошибаюсь, – тоже. Но разве не переносит тяжелейший психологический стресс ребенок, которого сначала оставляют, а потом берут в другую семью? Сказываются последствия этого в том числе и на способностях к обучению. Я не волнуюсь и верю, что со временем Алешка станет более восприимчив к учебе и обязательно получит образование. С интеллектом и памятью у него все в порядке. Он легко усваивает все новое. Но пока ему не хватает усидчивости, дисциплинированности, целеустремленности.

Тешу себя надеждой, что все это придет, еще и потому, что Алешка старается равняться на меня. Он видит, как много я работаю, знает, что меня ценят за профессионализм. Если мне делают какое-либо предложение, он может сказать что-то типа: «Конечно, что бы они без тебя делали. Ты быстро порядок наведешь» или «Иди, конечно. У тебя все получится, все знают как ты умеешь работать». И вот что интересно: я никогда не стремилась сделать карьеру, никогда не думала о том, что ребенок может помешать моему профессиональному росту. Выбор между работой и воспитанием передо мной никогда не стоял. Но все складывалось как-то само собой. Меня постоянно приглашали на работу, причем, каждый раз – с повышением статуса и зарплаты, без малейших усилий с моей стороны (кроме единственного – делать свое дело честно и профессионально) пришли признание коллег и, скажем так, узнаваемость, я даже умудрилась стать лауреатом общероссийского профессионального конкурса. Мне вообще кажется, что чем меньше человек работает локтями, тем успешнее складывается его жизнь. И ребенок для успеха и роста – не помеха. Наоборот: вам постоянно хочется, чтобы ребенок вас уважал, прислушивался к вашему мнению, ценил за ум, знание жизни. И это держит в форме, помогает стремиться к новым знаниям, приобретать новый опыт. У меня, например, очень сложные отношения с техникой, мне трудно даже запомнить, как управляться с утюгом, а телевизионный пульт освоить мне так и не удалось. Но после того, как у Алешки появился компьютер (спасибо друзьям!), мне ничего не оставалось, как научиться работать на нем вслед за сыном. Надоело слушать его шуточки по поводу собственной бестолковости, ах, так, решила я... И в который раз убедилась: главное – решиться.

У Алешки золотые руки. Он самостоятельно научился ремонтировать освещение в аквариуме, несколько раз разбирал магнитофон (что удивительно, тот продолжает работать, хотя каждый раз остаются «лишними» какие-то запчасти) и часы, маленьким придумывал всевозможные подъемные мосты, трансформирующиеся замки-дома и прочие строения из кубиков, ниточек, деталей детских конструкторов. Подозреваю, что папа его – из деревенских, мастеровых. Не зря же маленьким Алешка мог часами слушать народные песни, русские хоры. Но технарь в нем удивительным образом уживается с гуманитарием, и это явно плоды моего воспитания. Лучшие оценки – именно по гуманитарным предметам. Читать ребенок, конечно, не читает, как и большинство его сверстников, «выросших» на телевизорах и компьютерах. Но прошедшей зимой совершенно неожиданно для меня Алешка увлекся

театром, просмотрел все спектакли в драматическом, побывал на премьерах в музыкальном. Самое сильное впечатление на него произвел спектакль о Пирсmani и рождественская сказка «Приходи на меня посмотреть» (называю ее по названию телефильма). Еще меня радует, что у ребенка не засоренная матом и словами-паразитами речь, образная, ироничная. Каламбурирует он тоже легко и удачно. А прошлым летом, по вечерам, он писал повесть – в духе «Секретных материалов». Если не брать во внимание бесчисленные ошибки, получилось совсем неплохо – и по стилю, и по содержанию.

Приемные дети – это подтвердят специалисты – со временем становятся даже похожи на своих родителей. Нас с Алешкой, например, часто путают по телефону – его голос повторяет мои интонации, тембр, произношение. У него – мои привычки, жесты, словечки, мои привязанности и предпочтения, мой взгляд на жизнь. И я очень надеюсь, что он сформировался как личность, как человек таким, каким хотелось мне. Конечно, у него будет свой собственный жизненный опыт и свои собственные ошибки, но главное – тот стержень, что держит каждого – это закладывается в семье, формируется воспитанием. В этом и есть наша главная обязанность по отношению к детям.

...Если хотя бы однажды вам в голову придет мысль об усыновлении, вернитесь к ней снова. Судьба очень часто подает нам знаки, которые мы не замечаем. Может быть, это один из них? Почему-то вы ведь подумали об этом. И кто знает, не тот ли это шаг, что изменит вашу жизнь в корне, сделает вас счастливее.

Эта книга для тех, кто хочет быть любимым, кто хочет быть счастливым, и кто не хочет быть одиноким.